

10-го ноября 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

23

23

ВИЛЬНЕ
ВОЛЫНОЕ

10-го листопаду 1928 р.
ПРАГА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Микола Оверкович*: Лицарям „Нової Січі“.
2. *М. Самсонов*: На игрищах.
3. *Е. Троицкий*: Лезгинка.
4. *П. Покотило*: Привіт батьківщині.

5. *Передовая*: К десятилетию независимости Польши.
6. *И. Билый*: Казачьи Земли.
7. Инж. *В. Бейсуг*: Могут ли малые народы быть экономически самостоятельными?
8. *О. Долинский*: По поводу десятилетия Чехословацкой Республики.
9. Д-р *А. Балабас*: Борьба на ниве и во дворе.
10. Д-р *С. Федоров*: Анкета о Казачестве.
11. *В. Вазагов*: Соседи Казачества.
12. *Сергей Мякеев*: В борьбе за Родину.
13. *В. Куртин*: Десять лет тому назад.
14. Думы и мысли Казачьи.
15. Международная жизнь.
16. Казачья эмиграция.
17. В Казачьих Землях.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Прага. — О. Д. — Исполнено.
Орловат-Банат — Г. А. — Письмо Ваше получено. Охотно исполняем Вашу просьбу.
Болгария. — А. Г. — Листа Влшого получили. Журнал буде посилатись. Дякуємо за добре слово.
Дальний Восток. — „Вестник“ получен.
Польша — В. Е. — Получено. Спасибо. Журнал посылается.
Братислава. — М. Б. — Письмо получено. Просьбу исполняем..
Париж. — А. Л. — Просьбу исполняем. Просимый адрес перешлем письмом. Привет!
Югославия. — М. З. — Что значит, что посланные Вам по Вашей же просьбе номера 8 и 9, как и последний номер „В. К.“ возвращены почтой обратно? Переменили-ли Вы адрес, или случилось что иное?
Прага. — Р. И. А. — Просьба Ваша будет исполнена.
Варшава. — Х. У. — Ваш вірш „Ой, не гаразд...“ дістали. В 23 числі „В. К.“ не міг бути надрукований,

бо вже було записно. Буде надрукований в одному із наступних чисел.

Ницца. — С. М. Письмо и рассказ „За к... спиной“ получены. Предыдущее письмо, о котором Вы упоминаете, не получено. Европейская почта, все же, достаточно исправна, чтобы можно было на нее грешить. Вернее Ваше предположение о „других руках“. Надеемся, что в будущем этого случаться уже не будет, особенно, если будете посылать свои письма по тому же адресу, по которому прислано последнее.

„Тучи с...“ получили точно так же. Пойдут, вероятно, в следующем номере „В. К.“.

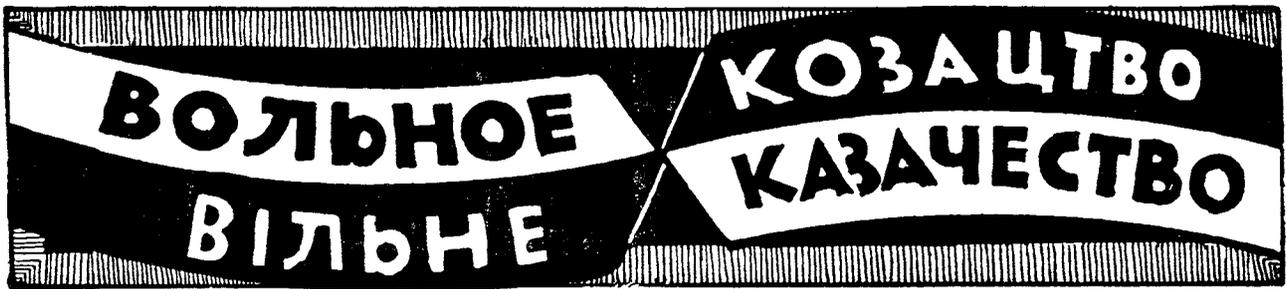
Радует особенно Ваше желание работать. Будем работать дальше вместе. „Ошибками“ не смущайтесь, не делает их тот, кто ничго не делает, но от неделания, как известно, пользы никому нет. Привет!

Югославия. — А. П. — „Слухам“ не верьте. „В. К.“ выходит и будет выходить правильно и точно в назначенные дни. „Слухи“ — это „работа“ „приятелей“. Привет!

† 24 октября 1928 года, в Панчевском госпитале, в Сербии, после тяжелой операции скончался юнный кадет Крымского корпуса, внук Седого Дона, от роду 15 лет,

Иван Васильевич Алферов,

о чем с глубоким прискорбием извещают: отец, мать, брат — сотрудник и сын Вольного Казачества — и казаки Есауловцы. Пусть будет ему легка словенская земля вдали от Седого деда его Дона!

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 23

Прага, суббота 10-го ноября 1928 г.

№ 23

Микола Оверкович. (Прага).

ЛИЦАРЯМ „НОВОЇ СІЧІ“.

Лишився морок й бездоріжжя
Від тих сумних минулих літ,
Як вітер зніс й останній слід
Святих руймовищ Запоріжжя...

На вогнищу Старої Січі,
Здавалось, згаснув дух батьків,
Й на вік їх визвольні кличі
Заникли в безвісті віків;
Здавалось, ворожа сила
Поклала волі вашій грань...
Та ось таке загомоніла
Від сонку збуджена Кубань.

Нових осель зелені луки
Ховали заповіт степів —
І гасло лицарське дідів,
Нарешті, повторили й внуки.

В пільмі невольницької ночі
Безвладно Чорноморець спав...

Та враз свої розплющив очі
У громі боротьби... і встав!
В новім гнізді старую силу
Орел степовий ворухнув...
Дивіться: розправляє крила
І гостро зорить в далину.

Благословені ж ці хвилини! —
Із мертвих встав ваш вільний Дух
Й нестримно рветься в творчий рух
На свіжих згарищах руїни.

Хай буде лет його широкий
І вірний крил могутніх мах!
І хай тремтить, як в давні роки,
Москвин лукавий по лісах.
Хай знає — вашої неволі
Скінчилась довга глупа ніч:
В нових борцях, на новім полі,
Воскресла Запорозьська Січ.

.....

М. Самсонов.

На игрищах.

Мягкий зимний день сменился морозным, тихим вечером. Неподвижно стоят разукрашенные морозом, словно обсыпанные лебяжим пухом, левады. Среди них резко выделяются деревья с черными верхушками от умостившихся на ночлег грачей и галок.

Там и сям блеснули, сквозь разрисованные морозом стекла, приветливые, бледно-желтые огоньки.

Бездонное, чистое небо с яркими звездами, ввиде огромной чаши, опрокинулось над хутором и, кажется, повисло на прямых, выросших из труб дымных столбах. Уходящих куда-то в безпредельную высь.

Мороз-чародей разлил свою морозную дрёму заво-рожил природу и заставил притихнуть все...

Лишь изредка, скрипнет где-то запоздалый журавель, тьякнет нерешительно собака, ей отзовется одна-другая и смолкнут. Лениво промычит корова, с пронзительным криком шумно взлетят обезпокоенные, не-известно кем и чем, грачи и галки и снова тишина.

На дворе в эту пору никого не встретишь. Весь хутор, как бы сговорившись, забрался в теплые хаты, плотным кольцом охватил столы, шумно жуя и смачно чмокая, справляет свою вечерю...

Но вот, хлопнули двери, скрипнули дворовые ворота, калитки, и молодежь высыпала на улицу.

Фьи-фьи — раздался пронзительный свист. Прока-тился над заснувшими было левадами, ударился в бе-резки, разлился рассыпчатым эхом и где-то затерялся.

С разных сторон хугора, как бы стараясь разре-зать, просверлит морозную тишину, засвистели, пере-кликаясь, ребята.

Как бы соперничая, залились собаки. Одни злобно, славно хватают кого то за пятки, другие, так просто, с тоски подвывают.

А там у Маргушиной левады родилась уже и песня. Сначала робкая, боязливая, словно тишиной придушен-ная. Но вот, постепенно, песня усиливается, — вырвал-

ся подголосок Насти, взвился в бездонную высь и полетел на встречу свисту. Сливаётся, переплетается песня со свистом; огнем вливается она в молодую грудь и зажигает кровь...

Остановится, прислушается парень...

... Ага, у Маргушиных!..

И летит сломя голову.

А песня льётся, зовет...

„Когда я была молоденькая,
Чернобровая, хорошенькая,
Да меня казачьники любили
По четыре ко мне сразу ходили...

Как серебряные колокольчики звенят молодые голоса в морозном воздухе...

Растет курагот. Ребята, как бабочки на огонь, с с разных сторон прибывают.

— Глянь, глянь, ребята!.. Тимоха-верблюд, за Петькей-скирдом, летит!

— Стой! Стой! держи Семку-коня, а то верблюда испугается!

Тимохвей, помаленьку, кричит Ванька-кулик, — а то конь нахрапник порвет! Тр-р-р!.. тр-р-р!.. Окаянный! Бросился к Сенке ребята.

— Скорей, шапку я с Петьки, скибана снимайте, с его прикладка, как раз коню на голову налезет!

— А ты, Кулеченок, замолчи, а то, гром бей, ноги из ... повыкручу! заревел Тимоха...

Да, мой миленький, маленький,
Как цветочек аленький,
Аленький, аленький!..

Одна, сменяясь другой, льются девичьи песни... Ребята плотным кольцом охватывали девчат. Пронзительный визг их и задорный смех ребят сменили песню...

— Ой-да не лезь!.. Пусти! ой закачусь!..

— Играть играй, а руками воли не давай, огрызнулась Верка, отбиваясь от Семки Коня.

— Ху-у, цаца какая! Не сосулька, не растаешь! Игвеньки так можно, а нам...

— Тю-у, да ты чего, Семен, у него же рука благородная, а у тебя ведь копыто.

Шмыгают ребята по кругу!.. Подкрадется сзади паренек, схватит обеими руками за грудь, перегнет назад и целует в пылающие на морозе губы!

Вырывается девка, визжит, заливаясь смехом, ругается...

— Ой, окоянный, пусти, а то и вот тебе господа!..

Ой! ха-ха-ха!.. Оторву!..

— Иди к своей Аниське!..

— Девочки, милые, гляньте и этот щенок туда же!..

Поймав Гришку-мужиченка, подростка, сильная, крепкая Мотья Меркиличева, кричит, турсуча мальчишку.

— Вот же спущу штаненки да голою на снег, на снег!

— Туда же, как будто понимает што! Повернув его задом к себе, Мотья дала ему „маку“. Гришка отлетел и, подскользя, выбил на льду „селезня“.

— Кабыла, кабыла!..

— Ребята, чего песни мешаега играть!

— Гляньте, Тишка-забадыка за девок заступается.

Думаешь ночевать придется!..

Го-о-о, мала куча!

— Ой, задавили! Руку-руки!.. Ой, голову!..

— Кто сверху?.. Держи!.. Мала куча!..

— Вера, да ты не сердчай, ну чего я тебе плохово сделал, заговорил как то нерешительно, с робостью, Семка-Конь, подойдя к стоящей в стороне Верке Маргушиной. Пусти нынче переночевать.

— И не ловчись, Сема, все равно из этого ничего не выйдет, хоть не приставай!

— Загордился черезчур... Все на господский штыль гнешь!.. Как бы рога не сломали...

— Боялась я таких!.. Вот — на, да из под колена два!..

— Мотюшка-а!.. ты где?..

— Тут — сюда, Вера!..

— Мотяня, родоненькая, полушопотом заговорила Верка, подбежав к Мотье, если не приведут Женьку, никого не пустим! Мотя, миленькая!..

Семка со Стешкой, схватившись за руки, налетели на них.

— Сема, да у ней!..

— Тю-у, в штанах, што-ль?!

— Рябята! Верка в штанах, накажи Господь!

— Дурак, бережет... ведь, не простудить чтоб!..

Ванька-кулик, схватив Мотью, быстро отбежали в сторону.

— Мотя, пустишь?..

— Приходите! Мы в пекарке будем. и только шестеро. Да, Боже спаси, чтоб кабель не услышал! А то ба-тяшка!..

— Мотюшка, запри кобеля. Снег скрыпить же, прямо невозможно!

— Ваня, Ваня, бизприменно Игвеньку возьми, а Егорку мужиченка, Тишку Исаева да Семку отставте!.. С ними никто не ляжет!..

— Ваня, родненький, одлетев к ним начала Верка, обязательно Женьку, Женю приведи!

— И чего ты все с этим Женькой? А если дома не будет? Он, ведь, у Ленки у Свистюлевой пропадает!

— Вот и не бреши, ты думаешь он в ней нуждается? Как бы не так!.. Гимназистка тык...

Не докончила своей фразы. Горький клубок подкатился к горлу и сдавил дыханье. Ванька безжалостно дотронулся и заставил зазвучать самую сокровенную струну Веркиной простой, доверчивой души. Необузданная, дикая ревность, так давно закрывавшая в ее душу, хлынула безудержной волной. Знала Верка, что ходит Женька к Лёнке посидеть вечерком, и подружки нередко подшучивали над ней, но никогда не было так больно, как сейчас.

Ведь он приехал только на Рождество... И не увидишь, как промелькнут эти денечки... А там опять долгая, долгая разлука...

Ой да вы, морозы,

Ой да вы, морозы.

Вы морозы крещенские,
Лютые.

Ой да сморозили,

Ой да сморозили,

Сморозили урядничка

На коне...

Веселая песня захватила курагот. Девки кружком, дробными шажками поплыли, перебирая ногами и потряхивая боками.

Как вихрь ворвались в их круг парни! Повернется девка к идущему за ней парню и начнет тот перед ней „выклубничаться“, выделяет самые, что ни-на-есть замысловатые „колена“

Поскрипывает снег... Пощелкивают голенища...

Постукивают смерзшиеся каблуки!..

Не удержался и мороз-чародей, надоело ему сторожить тишину, влетел в курагот и закружился в танце — потрескивает! Разрумянил девчат — что мак расцвели. Устыдился старый колдун, пляске своей среди молодых и давай их волосы белить сединой — забавляется!..

А Верка стоит в сторонке и без танца горит, как в огне... Вчера видала, сказала. обещал, а вот не пришел!.. Не подпущу и близко, пусть к Лёнке идет!.. ... А уж какой же он ласкавый, обходительный и нежный, нежный такой!.. Целые то ночки летом не спали и глазок не закроешь, ласкается да разговаривает...

„И чего эти голубки все воркуют и сна то им нету“, говорили девки, а сами завидывали.

— Будто кто присушил — извелася вся я по нем... Нет, абы пришел!..

Ну — ну, дуй Дунька.

Поддувай Грунька!..

А не будешь поддувать!..

По леваде ребята с „Свинарного Кутка“ прокралась к плетню. Давно они хотели свести счёты с низовцами, да не удавалось както, то боялись не подолеть, то на-скакивали, да ничего не получалось.

— Ага, ребята, Петька Скибан тут, говорит Федька Лындина.

— Давно я на него ренку имею.

— Еще бы, как он тебя у жениха колом с'ездил, на карачках полез!.. отозвался Митька Сметаненок.

— Ну, я ему нынче щетинку вкручу, я его проклятый скирд, обдергаю!

— Так, братцы, сразу все по колу ломай и в них! Хря-ась, хря-ась...

Фью-фью-фью — засвистало сразу несколько брошенных колеь.

Девки с визгом скрылись в Меркиличеву левяду и потихоньку направились в пекарку.

— Стой ребята, не убегай! — заревел Тимоха Верблюд. Хватай колья, забегай с двух сторон. Трещат ломаются колья в плетне, посвистывают в воздухе, постукивают о стройные тополя...

— Скирд, Скибан, Скибан!.. послышалось со стороны „Свинарей“.

— Лында, Лынденок!.. понеслось в ответ.

— Выходи на простор, скиба, я тебе черепок сверну.

— Ху-у, испужался, аж в . . . колит!

— Боитесь, свинари!.. выходи!..

Петька Скибан и Федька Лынденок сошлись грудь с грудью.

— Ну, чавож Лындюра, — ну, тронь — вдарь, ну...

Поталкивают друг друга плечами...

— Думаеш побоюсь — н-на, Скиба.

Н-на, н-на, Лында.

Петька сразу подмял Федьку и начал колотить куда попало.

— Куда, Сметана, горшок разобью! выскочил вперед, кричал Ванька Кулик.

Пок, пок, слышатся удары.

— Бей низовцы, держи, не давай убегай!

— Ну, вот что, ребята, в кулак нечего шептать, нас восмеро, а к девкам можно толчко шестерым, проговорил Ванька Кулик. Мотька так сказала. Значит, без гнева, трое — фьють, к идроне бабушке!..

— Как же трое ты, грамотей, нас же восмеро, заметил Семка Конь.

— Ничего, если я ошибнулся, так Игвений придет, подсчитает...

— А, ты с Веркой комерцию держишь, смотри, сказал Семка Конь, дрожа от досады, обиды и ревности. Дошелкаетесь вы с этим антильгентным!

— Сема, Сема, а ты не сердчай, силою мил не будешь, а сычас наяривай домой!

— Ты, Егор, тоже и ты, Тихон!..

Остальные — в Меркиличевы вербы, а я сбегаю за Игвением.

Полночь. Чутко-прозрачная тишина. Мороз все ту же и ту же стягивает лед на Ерике. Лед лопается, трещит. Разозлился и на ребят белобородый старик, ревнует. Кому за галенищу заскочит, да юркнет в самый носок сапога и начинает своими острыми иглами тыкать в пальцы; кого за ухо, за нос поймает своими прозрачно-ледяными клещами, да так защемит, что онемееет ухо в миг; кому и под пальтисак заберется и начнет свои палочки-стукалочки по спине катать.

Постукал бы ногу об ногу, поборолся бы, да боются ребята, как бы кабель Меркиличев не услышал, нельзя...

И заливается трескучим смехом белый колдун!

— И где тебя так долго черти давили, померзли... Тсс... тише!.. Боже спаси, кабель услышит, пропало все...

— Ну, становитесь все в затылок, за мною...

— Гля!.. Тишка, да ты что же тут крутишься? Сказано, наяривай домой!..

— Рябяты, пожалуйста, да я хоть там посижу, место что-ль вам жалко... Что-ж, я один...

— Ну, акаанный!..

— А, черт с ним! Становись же в затылок и бери-те один другою за пояса и шагать чтобы одинаково, меньше скрипу... Левая!..

Простонало ветхое крылечко; скрипнув, захлопнулась дверь...

Рванулся было мороз вслед за ребятами, да не успел проскочить, лишь его досадливый вздох ворвался за ними в теплую хату и закружился белым паром, стелясь по земляному полу и залезая под дерюжку к девчатам.

Бросился тогда мороз к окну, и давай накладывать узоры один на другой. Прислушался — шепот, заглушенный смех. Подсмотреть хочется, да темнота своим черным покровом тайны окутала пекарку, и не проникнуть туда, даже самому острому взгляду...

Скрипнул сердито зубами мороз и пошел в гнеше трещать по двору. Стукнул сердито палицей своей по деревянному срубу колодезя, взобрался по журавлю на самый верх и поманил своей заиндевелой рукой тишину...

Из левяд и садов, из закутков сараев поползла тишина на Меркиличев двор и со всех сторон окружила пекарку!..

Е. Троицкий.

Лезгинка.

Папонька, я тоже поеду в Капкай?*) — со слезами на глазах спрашивал восьмилетний казачек Федька, утирая пятерней губы, около которых назойливо кружились мухи, привлекаемые запахом арбуза.

— Куда ты там поедешь, такой анчутка? — ответил средних лет казак, стоявший, облокотясь на фургон посреди двора.

Фургон почти до краев уже был наполнен помидорами, которые в сапетке носила здоровая, полнотелая девка Олѣнка.

— Принеси еще пару сапеток, да и будешь запрягать, — сказал Иван, чуть повернувшись к Олѣнке.

— Папань, так возьмешь меня с собой? — не отставал сынишка от отца.

— Ну, хорошо; если пустит мать — так поедешь. Только умойся!

Точно кто уколел мальчонку в „определенное“ место — на одной ноге так завертелся, что целое облако пыли поднял. Рванулся, как молодой теленок, бежать через двор, разгоняя во все стороны кур, гусей и индюшек.

По дороге подбежал к колоде у колодца и, чуть

*) Капкай — г. Владикавказ.

смочив лицо водою, в припрыжку понесся к матери в кухню, растирая на бегу грязь по лицу.

— Ага! я поеду с папанькой в Капкай, — переведа дух крикнул Федька, вбегая на кухню и продолжая уже насухо разрисовывать свое довольное личко.

— Вот доездитесь вы с папанькой своим, — неровен час, наткнетесь на ингушей и будет вам Капкай.

— А папанька берданку возьмет, — с весом и важно ответил мальченок.

Мать еще что то хотела сказать, как вошел на кухню Иван.

— Помидоры готовы, сейчас уже будем запрягать. А ты, пока что, приготовь в дорогу нам чтонибудь, — обратился он к жене.

— Ох, не брал-бы ты Федюшку...

— Ну, начала там каркать... Пусть себе поедет мальчишка, город посмотрит; ведь он еще не был в Капкае.

Казачка, утирая краем фартука одновременно и глаза и нос, стала возиться у печки, приготавливая провизию в дорогу.

— Федюшка! — позвал отец, но Федюшкин уже и след простыл.

Деловито, хозяйским оком осматривал Федька в это время колеса фургона под завистливыми взглядами со-

седских мальчишек, которые, Бог весть откуда, уже знали, что Федька едет с отцом в г. Капкай.

— Федютка! — повторил громко Иван.

— Чево? — как бы нехотя ответил тот, что б не потерять важности перед соседской ребятенью.

— Скажи Олѣнке, что б выводила запрягать Старого да Слепую.

— Сичас, — отозвался сынишка и степенно зашагал; но потом, не выдержав важности, перешел на какой-то особенный, свой скок и скрылся в дверях сарая.

На двор выводили из конюшни двух лошадей.

Слепая долго не решалась переступить порог конюшни и, поднимая высоко голову, пятилась назад, таща Олѣнку за собою; но щедрые подбадривания Федькиного кнута придали ей решительности и Слепая, споткнувшись, переступила порог.

Оленка проворно и умело запрягла лошадей и подала возжи в руки уже взгромаздившемуся на фургон Федьке.

— Дяденька Иван! Уже все готово.

— Сейчас, — ответил Иван и появился на пороге с берданкою в руках в сопровождении жены, перегруженной снудью.

Они подошли к фургону. Иван бережно положил берданку под сено на возу, а жена уложила провизию рядом с сынишкой, с наказом — не подавить там пирожки и яйца.

— Ну, как будто ничего не забыли? — говорил Иван, влезая на фургон.

— Эй, вы жмен!.. окрикнул он лошадей и те, верные себе, одновременно натянув постромки, медленно сдвинули с места фургон.

— С Богом, — сказала жена и набожно перекрестила сынишку.

— С Богом, — ответил Иван и, окончательно разобрав руками возжи, уселся на возу.

Федюшка же, выждав удобный момент, показал мальчишкам язык и скорчил такую гримасу, что вся мелюзга покатила от смеха.

Выехали на улицу. Хотя ехали шагом, пыль заставляла все же усиленно фыркать коней, а седоков отворачивать в сторону лица.

Федька долго не мог найти удобного положения и все вертелся на возу, желая получше усесться.

— Чего ты крутишься, круженный? — вырвалось у Ивана.

— Я так, папанька...

— Я вот тебе дам „так“. На — вот лучше возжи, а я закурю.

Федька был на вершине блаженства: едет с отцом в город, да еще и правит — совсем, как большой.

Скоро выехали за станицу.

Дорога шла широким шляхом по долине Сунжи.

Справа и слева виднелись недалеко горы, но тамошнему „венцы“, а там вдаль — белоснежной грядой вершины главного Кавказского хребта.

Невольно как будто обвел глазами Иван и долину, убегающую вдаль и белоснежные вершины, которые своими сияющими зубцами упирались в небо. „Хорошо у нас“, — подумал он. И погладил сынишку...

А тот аж вздрогнул — он уже стал понемногу дремать и прикосновение отцовской руки вывело его из дремы.

— Папанька, а чево там за горами? Там уже море?! — протирая глаза, спросил казаченок.

— Там, сынок, Закавказье... А дальше — Турция и Персия.

— Ты там был?

— Был, как-же; в полку я там служил; тебя тогда еще на свете не было...

Федька неопределенно кивнул головой и, снова опустив ее, стал клевать через минуту носом.

Долина моя, долинушка,

Долина моя широкая...

Запел вполголоса с каким-то особенным чувством Иван; всю свою нежность, свою любовь, казалось, хотел вылить Иван в словах этой песни к своим местам, к своим степям и горам...

Незаметно за песней под'ехали к ст. Карабулакской; это — последняя станица перед г. Владикавказом. Кли-

ном между городом и станицами врезались ингушские аулы. Они, как барьер, стояли на ровной казачьей дороге...

... Воз медленно в'ехал по пыльной дороге в станицу.

— Эй, кум, кум, — кто то позвал Ивана, — куда едешь?

Иван, повернув голову, увидел стоявшего у хаты длинноусого казака-однополчанина

— В Капкай, — ответил он, — надо помидоры продать; у нас их ноне целая пропасть.

— Да, у вас сады; им там вольготно в холодке и воды не надо. не то что у нас...

Расстояние увеличилось и за грохотом воза слова стали менее слышны.

— Так счастливый нуть, — крикнул в догонку длинноусый казак.

— Спасибо, — ответил Иван и мастерски описал круг кнутом над спинами лошадей. Те прибавили ходу.

„Хорошо бы было, подумал Иван, проехать ингушей засветло, а то, Бог их знает... Еду один, да еще с мальчишкой... Ведь дернуло-же меня взять его с собою... Ну, да Бог не без милости, казак не без счастья“, — почти вслух обавил Иван и еще более решительно взмахнул кнутом.

Станица Карабулакская кончалась; начинался спуск к виднеющимся вдали аулам. Впереди, как осминог, разбросался широко по холмистому берегу Сунжи аул Плиево и в даль, как бы для связи, перекинул одну из ног своих к аулу Бурсуки.

— Ишь, как живут... Как пораскинулись! У каждого двор, что тебе выгон; а все жалуются, да плачутся, что жить негде и нечем... Все ведь сущая выдумка. Ленивы уж слишком, да много соблазна от казачьего добра...

Так мысли, перегоня друг друга, пробежали в голове Ивана.

А воз уже катился под гору.

С горы веселее пошли кони.

Аул совсем уж был недалеко и видно, как из отдельных саклей тянуло дымом и понемногу покрывало их, как бы нарочно перед ночью.

— „Ну, слава Богу, один можно сказать что проехали“, подумал Иван и повернул голову, чтоб посмотреть на солнце.

Внимание его было привлечено двумя конными фигурами, маячившими недалеко на кургане.

— Кунаки, — была первая мысль у Ивана...

И приложив козырьком руку к глазам, хотел еще посмотреть на курган, но там уже никого не было.

— Уехали, — облегченно вздохнул казак и слегка взмахнул возжами, как вдруг услышал в стороне конский топот.

Посмотрел и увидел, что его нагоняют три конные фигуры.

„Ограбят... пробежала страшная мысль у Ивана и он потянул рукою винтовку: но тотчас как-то нерешительно сунул ее обратно в сено и посмотрел на сынишку — побоялся поставить на карту молодую казачью жизнь...“

— А чорт с ними! Пусть лошадей отберут...

Лишь бы сынишка остался живым...

Федька же спал молодым и здоровым сном.

— Эй, знаком!... Пожалста подождит!... — раздался голоса ингушей.

Делать было нечего...

— Прр... протянул Иван. Лошади стали. Минута не прошла, как на полном карьере, один ингуш уже очутился впереди лошадей, а другие по бокам фургона. У всех в руках карабины.

— Дает лошадь! — закричал передний и беглым взглядом осматривал лошадей и Ивана.

— Папанька... — заплакал проснувшийся Федька.

— Молчи, сынок... — и казак бросил на него старый бешмет: мальчишка, всхлипывая под ним, старался не плакать вслух.

— Чево тебе такой плохой лошадь: один слепой, другой худой?..

— Э, знаком, тебе есть плохой хозяин...

— За чем едешь?! — говорили одновременно все ингуши...

Иван упорно молчал, а брови все больше и больше сдвигались...

— Тебе не надо сердиться, — продолжал один из них, — тебе лошадь наша не берет. Тебе веселый надо быть.

И что-то быстро заговорили на своем гортанном языке, покачиваясь в седлах от смеха.

— Знаком! Тебе надо танцевать...

И два боковых ингуша одновременно наставили винтовки на Ивана, а третий забрынкал языком лезгинку...

Показалась от злости слеза на глазах у Ивана; не заметно смахнул он ее...

— Эх, не было б здесь сынишки — станцевали б и вы все вместе со мной... —

Приподнялся, хотел уже прыгать с фургона, что б исполнить ингушский каприз.

— Нэ, не надо на землю... Там — на фургоне танцуй — тебе здесь будут болеть пальцы...

И Иван, под хохот и гикот, дав помидоры, выдывая «па», танцевал лезгинку... А когда все было перемято в фургоне и казак походил более на кровью забрызганного мясника — музыкант утих...

П. Покотило. (Подбрани).

ПРИВІТ БАТЬКІВЩИНІ.

Гей, Кубане, сріблом виткана,
Вірний лицарю в степах,
Береги тебе не стримують —
Розлилася по боках!

Із країн чужих, несоняшних,
Хоч ніхто нам не звелів —
Та тобі, Кубане, з радістю
Хилим чола до землі!

Тут снуєм про тебе спомини
І виспівуєм в піснях
Про станиці незабутні,
Що раскидані в степах!

Тут снуєм про тебе спомини,
Про батківщину свою,
Непохитні проти ворога
У смертельному бою!

І снуєм про тебе спомини,
Як високо маїв стяг!
За твою святу минувшину
Чи ж не дати свого життя?!

І як дань тобі заслужену
Од величних хоругов,
Ми, Кубане, засилаємо
Наш поклін тобі й любов.

К десятилетию независимости Польши.

Для возобновленной, независимой Польши юбилейным месяцем является ноябрь. 9 ноября исполняется десять лет со дня провозглашения ее независимым и территориально объединенным государством.

Из порабощенных народов нового времени мало какой боролся так самоотвержено и героически за восстановление своей утерянной независимости, как польский.

Полякам удалось в прошлом столетии завоевать для своего национального дела симпатии всего мира и, что особенно важно, внимание и доброжелательство европейской демократии и даже международного социализма.

Положение польского народа после венского конгресса 1815 года действительно было весьма трагично.

Разорванный на три части между тремя соседними империями, из которых две — Германия и Россия — заняли по отношению к польским своим провинциям непримиримое и крайне враждебное положение, польский народ национально истекал кровью под оккупационным чужим режимом, но ни на минуту не отказывался от своего самостоятельного идеала. „Niepodległa Polska“ — была боевым их лозунгом.

Кровавыми революциями в 1831 и 1863 г. г. поляки стихийно проявили свою волю к независимому государственному бытию.

Они все время готовились к войне. Они сознательно ожидали и от мирового конфликта 1914 г. начала конца своего политического и национального рабства.

1914 год не застал польских „самостийников“, возглавлявшихся теперешним маршалом Пильсудским, — врасплох.

Организатор польских легионов прекрасно понимал, что пока существовал русский царизм, наиболее опасным врагом Польши являлась Москва, а не Берлин. Вот почему в начале мировой войны, его легионы борются на стороне центрального блока против России.

Но когда царизм пал, Пильсудский знал, что место Польши впредь на стороне Антанты. Он, бывший союзник Германии, стал ее непримиримым противником. Заключение в Магдебургской крепости в 1917 г. он должен был заплатить за свой отказ подчиняться далее воле Берлина.

В И. Пильсудском новая Польша нашла своего национального вождя и государственного строителя.

Прав В. Водовозов, когда в своей книге о „Новой Европе“ следующим образом характеризует этого выдающегося польского деятеля:

„В Польше был в это время — пишет он — человек, который пользовался совершенно исключительным всеобщим уважением — это

Пильсудский. В качестве старого активного социалиста в свое время хорошо знакомого и с сибирской ссылкой и с русскими тюрьмами, из одной из которых он бежал, он был популярен в радикальных польских кругах. Но и консерваторы питали к нему уважение, как к популярному в войсках генералу, как к старому борцу за независимость Польши. Поэтому и правые и левые круги одинаково сошлись на его кандидатуре“...

Как известно, 11-го ноября 1918 г., после выхода из Магдебургской крепости, Пильсудский стал во главе первого правительства независимой Польши.

История новой Польши немыслима без этого великого и самоотверженного национального деятеля, неуклонно и собственными путями идущего к осуществлению и закреплению заветного идеала — „Niepodleglej Polski“...

Если положение польского народа было трагично накануне мировой войны, то отнюдь не легко оно было и после ее окончания.

Внутренне и внешнее положение восстановленного государства были крайне тяжелы.

С момента, когда Россия, захваченная III интернационалом, сошла с международной сцены, как мировая держава, место ее, естественно, заняла на Востоке Европы освобожденная Польша.

Это положение обязывает ко многому, особенно, если принять во внимание, что непосредственным соседом Польши является бесспорный СССР.

Для новой Польши новая Москва по старому осталась главным и опасным врагом. Вот почему политика Пильсудского правильно была ориентирована против Востока и симпатизиро-

вала с национальным „самостийничеством“ порабожденных быв. русских окраин.

Но польская внешняя политика, — особенно на восточно-европейском фронте, тесно связана с ее внутренним положением, в связи с рижским миром и вопросом о национальных меньшинствах на восточной периферии польской республики.

Это все еще большой вопрос новой Польши, как явственно свидетельствуют об этом последние трагические события во Львове.

Казалось бы, что есть какие то тяжелые противоречия между внешне политическими задачами Польши и ее внутренним национально-политическим положением.

Хочется, однако, верить, что новая Польша под руководством своего испытанного и опытного рулевого, прекрасно отдающего себе отчет в этой сложной дилемме польского государственного бытия, найдет правильные пути для преодоления и благополучного решения этого большого и трудного вопроса и, таким образом, окончательно укрепит свое внутреннее положение, и в то же время — достойно отстоит свой авторитет, как руководящего в сию пору восточно-европейского государства, которому предстоят впереди нелегкие задачи в связи с недалеким, будем надеяться, окончательным решением крайне запутанных политических и национальных вопросов на Востоке Европы.

Пожелаем же возобновленному польскому государству, по случаю первого десятилетия его существования — полного успеха в дальнейшем его развитии и, особенно, при решении затронутых выше исторических вопросов, имеющих решающее значение не только для будущего Польши, но и для утверждения новой Восточной Европы и послевоенного мира вообще!..

И. Билый.

Казачьи Земли.

IV.

Некоторые выводы и заключения.

Помещенные в предыдущих очерках статистические данные, касающиеся территории и народонаселения Казачьих Земель, как и приложенная там карта Земель Европейского Казачества, позволяют сделать некоторые выводы и заключения и дают в руки такой материал, который предоставляет возможность говорить не только о настоящем, но и о будущем Казачества.

Земли шести Европейских Казачьих Войск составляют непрерывное, сплошное и компактное географическое целое.

Казачьи Земли, гранича с морями: Азовским, Черным и Каспийским, упираясь в горные хребты: Кавказский и Уральский и открываясь на восток в степи Средней Азии, — служат природным мостом между Восточной Европой, Кавказом и Средней Азией, между Средиземным морем и Сибирью (достаточно посмотреть на карту — см. в № 19—20 „В. К.“, — чтобы представить себе, какое колоссальное значение имела бы железнодорожная магистраль Челябинск — Новороссийск!).

Большие речные магистрали блестяще дополняют выгоды большой морской береговой линии Казачьих Краев и открывают широкие перспективы развития пу-

тей сообщения и связанного с этим земледельческого и торгово-промышленного процветания.

Величина Казачьих Земель ставит их в ряды самых крупных европейских государств.

Слабая заселенность Казачьих Земель на востоке, при одновременной возможности культурного их использования, дает возможность хорошего решения земельного вопроса, как главного предмета споров и раздора между казаками и инородниками.

Казачьи Земли в целом на продолжительное еще время — область интенсивного заселения, как путем внутреннего перераспределения населения, так и некоторой иммиграции. Увеличение общего количества населения устранил опасность диспропорции между большой территорией и малым количеством населения.

Казачья идея прежде, в начале истории, имела в своем содержании моменты: этнический и государственно-политический. Позже, под властью русских царей, казачья идея сводилась все больше и больше к идее служилого „сословия“.

Казачество не может оставаться на будущее „словием“. Оно равно не может измениться в класс в современном общем понимании этого слова, как: „рабочие“, „крестьяне“, буржуазия и т. п. Надо возобновить государственно-политическое содержание казачьей идеи, иначе Казачество неизбежно должно раствориться во всенивелирующем процессе руссификации, все равно — Р. С. Ф. С. Р. или будущей „новой России“. Казачество, если оно хочет остаться Казачеством, должно снова стать нацией в государственно-политическом смысле этого слова. Оно должно сделаться базой и цементом государственно-политического органа — Самостоятельного, Независимого Государства — Союза Вольных Казачьих Земель.

В содержание казачьей идеи в настоящее время и на ближайшее будущее надо вложить первым и наиважнейшим элементом стремление поставить Казачество четвертым равноправным членом среди Восточных Славянских Народов, наравне с народами: великорусским, украинским и белорусским.

Для Казачьих Земель возможны в будущем только два пути:

или раздел этих Земель между Россией и Украиной по признаку национально-языковому, что неизбежно поведет и в одном и в другом месте к постепенной ликвидации Казачества,

или создание на всей территории Земель Европейского Казачества государственно-политического органа на Казачьей базе.

Первый путь — путь ликвидации Казачества, путь ухода его с исторической сцены.

Второй путь — начало эпохи ренессанса и гарантия дальнейшего развития и нового исторического бытия Казачества.

Если казачья идея не усвоит себе государственно-политического содержания, исторические события пойдут мимо Казачества и будут развиваться по линии борьбы на Казачьи Земли двух главных национально-языковых групп: русской и украинской. Кровавая, вооруженная борьба для решения этого вопроса на Казачьих Землях закончилась бы, повторяем, уничтожением Казачества и разделом Казачьих Земель между Россией, Украиной и, возможно, Кавказом.

Выше мы уже видели, что половина всех Казачьих Войск б. Р. империи и 85% всего числа казаков населяет непрерывную компактную территорию и составляет на ней основную массу населения. Каждое казачье Войско, кроме того, имеет свои собственные государственно-политические традиции, свою историю, свой быт и характер. Идея единства Казачества, тем не менее, возможна, но могла бы быть осуществлена только на почве государственно-политической. На почве языка, напр., единство невозможно. Всякая политика, которая стремилась бы создать из Казачества однородный коллектив, неизбежно привела бы к разделению Казачества. Только абсолютное равноправие и равноценность среди Казачества тех разных языков, на которых говорят казаки (и др. народы, населяющие К. Земли) может сохранить Казачество. Недопустима в какой бы то ни было форме насильственная руссификация или украинизация. Если бы это условие не было выполнено, началась бы внутренняя борьба из за языка.

Государства создаются не по одному только национально-племенному признаку. Чистые национально-племенные государства возможны на территориях лишь с однородным национальным населением. Территории со смешанным населением или делятся по национально-племенному признаку между соседями или служат основанием для создания государств типа Северо-Америк. С. Штатов, Швейцарии и т. п.

Казачьи Земли в национально племенном отношении (если брать и неказачье население) — довольно пестрая шахматная доска, произведи размежевание на которой по национально-племенному признаку было бы задачей даже в общем виде трудно разрешимой. Поэтому государственность Казачьих Земель может идти в будущем только путем С. Америки, Швейцарии и др. подобных разноплеменных государств.

Отношение Казачества к России, вернее к РСФСР и СССР — борьба (защита!), пока они не примирятся с государственной самостоятельностью Казачьих Земель и

отсутствии какой бы то ни было враждебности или агрессивности против самих русских и России в будущем, независимо от того, какова она будет.

Российское единенеделичество — вот где причина современного *casus belli*. Это оно привело и в будущем только оно одно может питать источник враждебности. Не войны, а мира, но мира достойного жаждет Казачество с Россией.

Нынешняя борьба с большевицкой властью для Казачества не является только борьбой с определенной формой государственной власти, как это имеет место для русских, но есть борьба с чужой, оккупантской властью.

Из табл. VI, помещенной в № 22 „В. К.“, видно, что следующей за Казачеством национальной группой населения Казачьих Земель (по целому комплексу их) по величине являются иногородние-украинцы — 27,3%. Отсюда ясно, что в своей внутренней политике, как и при строительстве самой государственности Казачьих Земель, Казачеству нужно будет сговориться прежде с этим своим соседом. „Блок“ казаче-украинский составляет внушительное большинство в 70% всего народонаселения К. Земель. Элементом, связующим эти две первые по величине группы населения, должны явиться, естественно, кубанцы, — казаки-украинцы.

Политика внутренняя обуславливает во многом и политику внешнюю. Подчеркнутое выше соотношение внутренних сил в Казачьих Землях предопределяет и будущие государственные взаимоотношения с Украиной. Каковым бы в будущем Казачье Государство ни было, оно немисливо при враждебных отношениях с Украиной. Украина, опираясь на украинское население Казачьих Земель, всегда имела бы возможность парализовать там враждебные против себя действия. Мир и союз Казачьих Земель с Украиной, как и мир казаков с местным украинским населением — являются хорошими, действительными предпосылками и базой для будущей казачьей Государственности.

Это не значит, что отношение Казачества к другим группам населения К. Земель должно быть менее дружественным, чем к украинцам. Нет. Казачество относилось и будет относиться одинаково хорошо и благожелательно ко всем своим согражданам, при условии такого же и обратного отношения. Для нас является бесспорным, что Казачество будет строить свою государственность на внутреннем мире всего народонаселения Казачьих Земель. Поруккой в этом — прошлое Казачества.

Казачья идея так, как мы ее понимаем, должна привлечь к себе, поэтому, сердца как казаков, так и иногородних, ибо это — мир и в национально-языковом вопросе.

И когда мы будем говорить дальше о Казачестве и Казачьей Идее, мы будем иметь в виду не только те 42%, о которых говорит нам табл. VI. В содержание казачьей идеи настоящего входит и оказание, в государственно-политическом смысле, всего населения Казачьих Земель, при условии сохранения за ним полной равноправности всех племенных и языковых особенностей

Инж. В. Бейсуг.

Могут ли малые народы быть экономически самостоятельными?

Идея национального самоопределения народов, внесенная в повестку дня Мировой войной, ставит рядом вопрос: „могут ли малые народы экономически выдерживать свое самостоятельное государственное бытие“? Как вопрос теоретический, вопрос этот, конечно, мог бы быть предметом обсуждения всегда. Но в наше время, время перекройки всей карты Европы, он приобрел исключительное и практическое значение. После появления на политической карте Европы ряда новых краев, покрывающих иногда миниатюрные площади, естественно стал возникать вопрос, как надолго сохранится эта новая карта? Удержатся ли экономически эти маленькие пятнышки на фоне окружающих их иноцветных пространств? Если Восток Европы выдвигает проблему создания новых государств, то опять встает вопрос, — будет ли это экономически целесообразным?

Проблема развития малых народов, их жизнеспособности, их ценности с точки зрения общечеловеческой культуры, границы их культурного развития и т. д. — уже толковались давно. По этому вопросу существует обширная литература. Даже на страницах этого журнала читатель уже неоднократно встречал статьи на эту тему (см. статью Масарика, статьи Долинского). Теоретически, конечно, вопрос остается спорным до тех пор, пока история не покажет, кто прав, кто неправ. Однако, так или иначе, здесь уже выкристаллизовались доводы за и против.

Иначе обстоит дело в области экономики. Тут этот вопрос еще совсем новый, рождающийся на наших глазах. Мы часто слышим: „малые народы, даже если им дать государственную самостоятельность, все равно будут сметены в процессе экономической жизни, будут экономически поглощены народами большими“. Мысль эта высказывается всегда безапелляционно, в качестве решающего, исчерпывающего довода против *raison d'être* малых государств. Но где обоснование этой мысли? Серьезных, проверенных фактами, мы их пока не слышали. Заключение делается чисто внешне, формальное: огромные предприятия нашего времени, мировые картели, могучие тресты, гигантские концерны, безудержный рост силы банков и т. д. — все, мол, теперь „большое“, „крупное“, „могучее“, а, следовательно, малым экономическим единицам места нет. Их сожрут более сильные. Все это — заключение по аналогии, и только. Так ли все это просто и ясно в действительности? — Мы сомневаемся.

Слишком уж во всех этих „огромностях“ много чисто внешнего, ослепляющего, эффектного и затемняющего другие параллельные явления, процессы, факторы. Много тут и „мании грандиозного“. По ряду отдельных факторов мы изложим наши взгляды в будущем, — сейчас же лишь в общем разберем „безапелляционность“ положения о невозможности самостоятельного существования малых государств по экономическим причинам.

Прежде всего, что понимают авторы сих страшных экономических аргументов под экономической „самостоятельностью“? Конечно, все на свете условно, но есть понятия, условность которых столь велика, что и содержание в конечном итоге совершенно расплывается и теряет характер вообще какой бы то ни было цельной мысли. К числу последних понятий нужно отнести и понятие „экономической самостоятельности“. К этому мы приходим на основании рассмотрения структуры современного экономического строя.

Современное хозяйство есть хозяйство меновое. Из самого этого понятия уже вытекает взаимная связь хозяйств, связь в процессе обмена. Этот процесс обмена как паутиной опутывает все хозяйства, создавая какие то целые более или менее компактные массы, в которых отдельные составные части совершенно теряют свою „самостоятельность“. Было время когда формы этих хозяйственных масс совпадали с границами госу-

дарств, но это время прошло. Процесс обмена невидимыми нитями обвивает и уже достаточно сильно обвил и эти массы народных хозяйств. Вы пьете бразильское кофе или китайский чай, шведскими спичками вы зажигаете болгарскую сигарету, кушаете японский рис, одеваетесь в египетский хлопок, наливаете в лампу керосин из источников Месопотамии и т. д. Вы — участник, потребитель мирового хозяйства.

То же и в области производства. В мировом хозяйстве нашего времени хозяйства отдельных народов представляют лишь часть одного огромного мирового хозяйственного механизма. Вспомним годы войны. Когда части одного мирового экономического механизма распались, когда между государствами, жизненно связанными между собой обменом, легли ошметинившиеся штыками окопы, — тогда только народы поняли, как они переоценивали свою экономическую „самостоятельность“, и как не дооценивали крепость тех хозяйственных уз, которые их связывали.

Откуда весь крах хозяйственной жизни после войны? Откуда вся эта экономическая разруха, из которой народы „вылезают“ на наших глазах с таким трудом? Главная причина коренится в том, что вообще были предоставлены каждая сама себе, были силой обсто-ятельств принуждены стать экономически „самостоятельными“. И... не смогли: при безконечном разнообразии потребностей современного человечества („нужды войны“ — это лишь вид этих потребностей), мы не знаем культурных государств, которые могли бы полностью удовлетворять все потребности своего населения вне хозяйственной связи с остальным миром. Теоретически к этому близка была Императорская Россия (но лишь теоретически), практически ближе других стоят к этому С. Штаты, но до полной экономической самостоятельности и им еще далеко.

О какой же экономической „самостоятельности“ тогда можно в наше время говорить применительно к европейским державам, если, поневоле ставши таковыми, они уже через несколько лет пришли в плачевное состояние? Где она, эта гордая „экономическая самостоятельность“, которой так сильны большие народы? Не та ли, при которой целые отрасли производства одних государств работают на угле государств других и целые промышленности построены на чужом сырье? — Нет, экономическая самостоятельность, если под нею понимать возможность удовлетворения потребностей и нужд население данной страны вне связи с мировым хозяйством, — есть фикция. В XX ст. это иллюзия, которую, вопреки всем постановлениям международных экономических конференций, стремятся осуществить все большие народы, но осуществить которую еще не удалось никому.

Если при современных условиях полное обособление экономической жизни отдельного государства от экономической жизни всего мира фактически неосуществимо и экономическая независимость является пока что фикцией, то может быть это понятие приобретает конкретное содержание в сочетании со словом „относительное“: „относительная самостоятельность“? До известной степени да, но и тут нужно сделать большие оговорки. Относительность в этом вопросе можно рассматривать в двух направлениях: во времени и относительно, скажем, „качественную“. Под первой мы будем понимать возможность относительно долгое время просуществовать самостоятельно, вне связи с мировым хозяйством. Под второй — независимость в главнейших областях экономической жизни.

Прекрасный пример независимости первого рода дает СССР. Первые годы после воцарения большевиков хозяйственная жизнь СССР была действительно „самостоятельна“. К чему же это повело? К тому, что уже задолго до празднования десятилетия своего существования большевики поняли, что связь с хозяй-

ством мировым должна быть восстановлена какой угодно ценой. Разве современная внешняя экономическая политика СССР не является лучшим доказательством этого? Нет капиталов, нет машин, нет сырья (парadox, но это так), нет товаров. Какие бы усилия не делали большевики на внутреннем экономическом фронте, но... без связи с мировым хозяйством им не обойтись. И как мало (в исторических масштабах) надо было времени, чтоб сделать очевидной невозможность экономической самостоятельности даже для СССР, страны огромных природных богатств.

Если мы возьмем Зап. Европу, то увидим, что экономическая самостоятельность, даже не в размерах государств, а в масштабах целого комплекса центральной Европы, „обанкротилась“ в течении нескольких лет войны. А ведь основа этого комплекса, Германия, всегда ставила целью своей экономической политики достижение экономической независимости. Именно тут, в этом хозяйственном комплексе Центральной Европы и могла бы, казалось, иметь место безболезненная и максимальная по продолжительности оторванность от всего мира. И что же? Через несколько лет хозяйственный организм этого комплекса треснул, показав, что относительная экономическая независимость может продолжаться лишь столь кратко, что едва ли имеет смысл в историческом аспекте о ней вообще говорить, — разве что в ряду военных соображений.

Теперь рассмотрим, как обстоит дело с относительной независимостью „качественной“. Экономическая жизнь знает три главных фактора: природа, человек, капитал. Последний, собственно, носит характер фактора „производного“, но исторические, социальные и технические условия нашего времени придают и ему такое же самостоятельное значение, каковое имеют и первые два фактора. Под фактором „человек“ мы понимаем количество и качество труда, которые в состоянии дать население страны при данных своей общей культуры, развитии техники, совершенства организации, врожденных и развитых качествах и т. д.

Самостоятельность экономической жизни народа обуславливается, с одной стороны, наличием всех этих трех факторов в количестве, достаточном абсолютно, с другой стороны — в количестве, достаточном относительно, т. е., соответствующем масштабам страны и в размерах взаимно-пропорциональных. Поясним примером свою мысль. Возможно ли существование экономически самостоятельного государства в центре Сахары? Приходится ответить, что даже при наличии каких угодно капиталов, каком угодно трудолюбии и знаниях населения это невозможно, ибо и при современной технике еще невозможно приспособить пески Сахары к потребностям человека; недостает фактора природы, недостает абсолютно. Примером достаточности всех трех факторов в количествах абсолютных, по недостаточных относительно, может являться Великобритания с Ирландией: богатейшие земли не могут прокормить 47 миллионов населения; фактор природы представлен в количествах абсолютно больших, но, относительно населения — в масштабах недостаточных.

Наличие и идеальная пропорциональность всех трех факторов обуславливали бы в идеале полную экономическую самостоятельность, по таковой, как мы уже видели, наше время не знает. А priori это можно объяснить или абсолютной недостаточностью того или иного из трех упомянутых факторов, или несовершенством их соотношения, „невязкой“. И то, и другое, действительно, имеет место. Фактору „человек“ — несоответствует фактор природы (уже приведенные в пример Великобритания с Ирландией); богатейшие земли пустуют из-за недостатка людей и капитала, — напр., Сибирь; капиталы перерастают и факторы природы и человека, — напр., Бельгия; достаточные данные в населении, богатая природа, — нет капитала, напр., Болгария; богатая природа, огромные капиталы, — нет достаточной массы труда, нет достаточной энергии, бьющей творческой силы, хромает фактор „человек“, — напр., Франция („утомленная нация“ по тенденциозному выражению немцев).

Такого рода количественные недостатки и „невязки“ порождают несовершенство удовлетворения по-

требностей народа и задерживают экономический прогресс страны. Естественный выход из создающегося положения — обмен. Путем процесса обмена и стремятся народы покрыть недостатки, невосполнимые дома совсем, или восполнимые лишь с огромным трудом. Тут и возникает момент несамостоятельности, зависимости. Характер недостающего фактора и определит „качественную“ экономическую относительную самостоятельность данных народа и страны.

Но можно ли говорить о „главенстве“, первостепенной роли того или иного недостающего фактора и именно отсюда выводить степень экономической зависимости? Мы полагаем, что нет. Ни сердце, ни мозг, ни легкие нельзя считать порознь „самыми главными“ органами: они все одинаково важны для жизни человека. Так и наши три экономических фактора в одинаковой мере „главные“ и нужны для правильного хода экономического организма. Сравнительная ценностная оценка здесь возможна иным путем: по степени расстройств хода экономического организма, которое вызывается недостаточным количеством (или качеством) того или иного фактора. Действительно, с этой точки зрения наши три фактора могут быть расположены в известном порядке.

Первое место принадлежит, конечно, природе. Как ни велики человеческие прогресс и культура, но именно мертвая природа и кладет максимальное количество палок в колеса механизма экономической жизни. Недостатки: обработке почвы, отсутствие полезных ископаемых, климатические условия и т. д. — все это факторы поправимые трудно и чрезвычайно медленно. Несколько лучше уже обстоит дело там, где идет о человеке. Человек и инстинктивно и сознательно меняет ся, культура растет, образование, воспитание, организация куют новых людей применительно к нуждам жизни, даже такие факторы, как прирост населения, начинают регулироваться сознательной волей человека. Больше и большее значение в факторе „человек“ приобретает момент качественный за счет момента количественного. Позиции малых народов в этом отношении постепенно выравниваются с позициями народов больших. Недостатки этого фактора с ходом истории делаются все более ощутимы, но и легче поправимы, чем раньше. Для постройки американских небоскребов нужно больше машин, но меньше людей, чем для возведения египетских пирамид.

И, наконец, в последний ряд мы поставим „капитал“. Отсутствие капитала ощущается не менее сильно и остро, чем отсутствие первых двух факторов, но за то восполняется он несравненно легче и быстрее, чем первые два: в условиях мирового хозяйства нет более гибкого, текучего и подвижного рынка, как рынок капитала.

И вот, только применительно к такой градации, мы думаем, и можно говорить о степени относительной (качественной) „экономической самостоятельности“. Единственно в этом узком смысле (как это далеко от беспредельно широкого понимания „экономической самостоятельности“ лицами, бряцающими этим аргументом против малых народов!) это понятие и приобретает реальное содержание. Только в этом смысле о нем и можно говорить. Но есть ли связь между величиной народа и понимаемой в таком смысле „экономической самостоятельностью“?

Все взаимные невязки и недостатки наших трех факторов можно сопоставлять с целым рядом данных. Так, если подходить к вопросу с географической точки зрения, то мы замечаем, что в направлении с Запада на Восток Европо-Азии наблюдается постепенный недостаток фактора капитала, в меньшей мере — человека (преобладание момента количества труда над качеством) и возрастание значения фактора природы. Восток — это земли „экстенсивной“ экономической жизни, Запад — интенсивной. То же в направлении с севера на юг. Далее, беря за исходную точку момент историко-экономической эволюции того или иного государства, мы видели сперва преобладание фактора природы, потом рост фактора „человек“ (в связи с ростом развития культуры народа, технических знаний, упорядочения строя жизни) и, наконец, наступление периода доминирующего значения капитала, как движущей при-

жины всей экономической жизни данной страны (это не умалит, конечно, значения первых двух факторов).

Много можно было бы сделать такого рода различных сопоставлений. Но вот интересное явление: если мы попытаемся уложить невязки трех основных факторов экономической жизни в некоторую схему, применительно к государствам большим и малым, то наша попытка успехом не увенчается. Не помогает и классификация государств по их размерам Масарика (см. его статью „Проблема малых народов и война“, в № 4 „В. К.“). Установить закономерную связь здесь не удается. В самом деле: в первой группе схемы стоят „государства большие“, но из них Франция свободными капиталами богата, у Императорской России — их не было; во второй группе (первая подгруппа) среди государств „наименьших“ мы находим Люксембург и Черногорию — два антипода в смысле своего экономического строения. В следующей подгруппе этой же схемы рядом стоят Румыния и Бельгия, т. е., страна с совершенно иным соотношением факторов, скажем, капитала и „человека“ и т. д. Мы отдадим должное тому, кто сможет составить схему, устанавливающую зависимость между величиной народа и государства — с одной стороны, и взаимоотношением в нем наших трех факторов — с другой стороны; однако, до сих пор такого рода схем мы не знаем. Отсюда, не будет нелогично сделать вывод об отсутствии очевидной зависимости между этими двумя явлениями.

А если так, если размеры государства и величина населения народа не определяют характер невязки трех основных факторов его экономической жизни, то, следовательно, и характер обуславливаемой этой невязкой „экономической несамостоятельности“ не может быть заранее предопределен. Нельзя сказать наперед, что данное малое государство обречено на экономическую зависимость от недостатка капитала только

потому, что оно мало; нельзя сказать заранее, что данный малый народ „экономически не выдержит“, т. к. у него мол „как и у каждого малого народа“ не будет хватать того то и того то. Такие положения нуждаются каждый раз в особом индивидуальном подходе к данному государству, в специальном рассмотрении специфических сторон его экономического бытия. Быть может острый анализ и приведет в отдельных случаях к выводу, что народ „экономически не выдержит“, но это не дает вовсе права устанавливать какой то неумолимый „железный закон“, применимый ко всем малым народам. Мы самим решительным образом протестуем против того, чтоб положению „малые народы не могут быть экономически самостоятельны“ придавался характер аксиомы, не нуждающейся ни в каком доказательстве. Рассмотрение экономической самостоятельности мелких государств Европы, которое, к сожалению отвлекло бы нас слишком в сторону, дало бы прекрасную иллюстрацию всей индивидуальности картин. Мы ограничиваемся лишь теоретическими вопросами. Логично ли говорить о бедности природы данного государства только потому, что его территория не велика и народ не многочислен? — Нет. Можно ли объяснять относительно большую экономическую независимость С. Штатов только величиной и качествами их народонаселения, не принимая во внимание природных богатств страны? — Нет. Потому ли богаты капиталами Бельгия и Голландия, что они малы? — Тоже нет.

Итак, еще раз: прямой связи между величиной народа и степенью его экономической самостоятельности нет никакой. Положение „малые народы не могут быть экономически самостоятельными“ есть лишь предрассудок, своеобразное суеверие, в лучшем случае, полсужение не только не „безапелляционное“, но, наоборот, нуждающееся в самом основательном обосновании, ибо, пока что, оно не обосновано никак прежде всего своими авторами.

О. Долинский.

По поводу десятилетия Чехословацкой республики.

II.

В истории чехословацкого освободительного движения, как мы уже говорили, особенного внимания с точки зрения самоопределяющихся народов заслуживает, безусловно первая, подготовительная, так сказать, его фаза, т. е. период мировой войны, когда эта — в высшей степени трудная работа — блестяще была исполнена чешскими „самостийниками“ на внешнем и на внутреннем фронте, т. е. ч.-сл. эмиграцией за рубежом и тайною ч.-сл. организацией „Маффия“ — внутри страны, т. е., в пределах родины, жестоко поработанной тогда еще немецко-мадьярским милитаризмом.

В настоящее время по этому поводу имеется уже обширная мемуарная и историческая литература, прекрасно и основательно знакомящая с порою драматическими перипетиями ч.-сл. национально-революционного движения.

Вот почему за подробным ознакомлением с историей борьбы за ч.-сл. государственную независимость и с процессом созидания самостоятельного ч.-сл. государства мы отсылаем, интересующегося этим вопросом читателя к этим первоисточникам.

Нам придется остановиться в этой главе на наиболее характерных моментах и проявлениях этой подготовительной, но в то же время и наиболее важной фазе ч.-сл. революционного освободительного движения.

Уже покойный шведский социолог Р. Чехлен правильно отметил, что освобождающимся поработанным народам труднее всего добиться признания их права на политическую независимость.

Существующие государства, а особенно те из них, которые имеют большие национальные меньшинства, обыкновенно, решительно противятся допущению в семью государств новых членов, считая притязание наро-

дов — пасынков национальными фикциями, их политический сепаратизм — зловредным и „преступным“ утилизмом, а к тому же совершенно „лишонным“ каких-бы то ни было реальных предпосылок и обоснований.

По их мнению, это просто чья-то политическая интрига, а „самостийники“ — это подкупленные враждебными государствами — агенты-авантюристы, занимающиеся национальною политикою из-за личной наживы, карьеры и т. д.

Положение чехов накануне войны в этом отношении было действительно весьма печально.

Сто лет новейшей истории прекрасно убедили их в том, что какие-бы то ни было надежды на Вену, т.-е., на возможность честного примирения с Австро-Венгрией, к чему стремились все выдающиеся чешские национальные вожди — от Палацкого до Масарика — лишены каких бы то ни было действительных оснований и возможностей.

С другой стороны, чехи прекрасно знали, что на международном форуме, даже среди антантского блока, никто серьезно не думал вначале о необходимости уничтожения Австро-Венгрии, а наоборот, все верили в неизбежность сохранения ее в интересах политического равновесия, правда, в слегка реформированном виде, т. е., при условии кое-каких коррективов в ее политике по национальному вопросу.

Таким образом, первую и главнейшую задачу ч.-сл. национального движения было доказать всему миру, т. е., фактически руководящим кругам антантского блока, не только ненужность, но даже вредность и опасность сохранения Австро-Венгрии, хотя-бы и в наиболее исправленном виде.

Д-р Э. Бенеш, который четверть столетия тому назад, в специальном французском труде доказывал (веря

тогда еще в возможность политического прогресса и модернизацию габсбургской монархии) объективную оправданность и желательность существования Австро-Венгрии, во время войны, счастливо бежав из Праги в Париж, — написал брошюру против этого государства, озаглавивши ее боевым лозунгом ч.-сл. освободительного движения — „Уничтожьте Австро-Венгрию!“ (*Détruisez l'Autriche-Hongrie*).

Порабощенные и стремящиеся к свободе народы взрыв мировой войны в 1914 г. поставил перед крайне тяжелым вопросом — как быть? С кем и против кого идти? Или по просту переждать это мировое ненастье в надежде на фаталистическое *авось*?

Это было тем более естественно, что оба борющиеся блоки официально и декларативно признали освобождение угнетенных наций одним из основных положений своей военной политики. Известно, что при этом каждый из них фактически имел в виду угнетенных „инородцев“ в государствах враждебного блока.

Вот почему порабощенным народам пришлось в своей освободительной политике ориентироваться на врагов собственного государственного центра.

А иногда, на всякий случай, на два фронта, т. к. сначала не было известно, кто победит.

Словом, в этих политических ориентациях народов-пасынков, естественно, было много практического расчета и заведомой спекуляции.

Было великим счастьем чехов, что во главе их в этот исторический момент очутился великий национальный вождь, маститый ученый и опытный политик Т. Г. Масарик, — ко всему вопросам жизни подходивший с философской точки зрения и решавший все проблемы, по его собственному выражению — „под углом вечности“ (*sub spaciae aeternitatis*).

Ему чужда была политическая спекуляция. Для него мировая война не была политическим Монте-Карло, где народы, точно в рулетке, должны бы были выигрывать или проигрывать свою национальную свободу.

Масарик в борьбе между Антантой и Центральным блоком усматривал более глубокую идейную подоплеку; по его мнению, это было внешнее проявление внутреннего конфликта между современной демократией и отживающим абсолютизмом.

Ясно, что он — искренний и последовательный поборник демократий — сразу и безусловно высказался за Антанту и дело ч. сл. национального освобождения всецело связал с этим военным блоком. Это вполне соответствовало и его философии истории чешского народа и гармонировало с его гуманитарно-реалистическим мирозерцанием.

Приняв это решение и основательно ознакомившись с международным положением вещей, Масарик решил наиболее всесторонне подготовиться к планомерному и целесообразному исполнению этой беспримерно тяжелой задачи.

Осенью 1914 г. не только у порабощенных народов, но, пожалуй, и в обоих воюющих лагерях не было общественного деятеля формата Масарика, в котором гармонически сочетались великий социологический стаж и опыт с какою-то удивительно проницательностью грядущих событий и правильного прогноза исхода войны.

Друг его, выдающийся английский социолог, Сетон-Уатсон — заявил как то, что политическая программа войны, намеченная и обоснованная в его присутствии Масариком осенью 1914 г. в Роттердаме, за малыми исключениями была осуществлена почти целиком в 1919 г.

В 1915 г. в Женеве, по случаю 500 л. годовщины сожжения великого чешского реформатора и патриота И. Гуса — Масарик в своей известной речи объявил войну Австро-Венгрии и Габсбургам и, таким образом, официально связал дело освобождения своего народа с Антантой.

Отметим, кстати, что в это время Антанта терпела как раз поражение на всех фронтах, а германский милитаризм повсюду одерживал блестящие победы.

Это обстоятельство оттеняет с одной стороны глубокий политический морализм вождя ч. сл. эмиграции, а с другой — его непоколебимую веру в неизбежную

победу западной демократии над прусским милитаризмом и австро-венгерским маразмом.

Но это было только начало. Впереди предстояла кропотливая осведомительная работа в мировом масштабе с целью убедить антантские политические центры в опасности и вредности сохранения Австро-Венгрии, т.-е., иначе говоря, доказать неизбежность уничтожения ее.

В этом отношении ч. сл. зарубежная эмиграция возглавляемая Масариком, Бенешем и Словаком — Р. Штефаником, — сделала громадную работу, поражающую своею планомерностью, продуманностью, систематичностью и методичностью.

Особенно интересен метод ее: от малого к большому; всесторонняя предварительная подготовка и затем решительный удар наверняка; заведомое отвержение политической спекуляции и авантюризма; основательная подготовка каждого шага до мельчайших деталей...

Конкретно, ч.-сл. революционная эмиграция для этой цели пользовалась прежде всего печатью; затем лекциями и, наконец, личным информированием и осведомительными докладами.

И все это делалось на широкой политической базе; везде и всегда чешский вопрос ставился в международном аспекте и органически вплетался, как неизбежное звено, в цепь мировой политики вообще и прежде всего, конечно, антантской.

Осенью 1915 г. в Лондоне проф. Масарик прочитал в „Kingo College“ свою знаменитую вступительную лекцию на тему: „Проблема малых народов в европейском кризисе“.

Благодаря своим друзьям в Англии, он в 1915 г. получил кафедру социологии и славянских литератур в лондонском университете.

Упомянутую лекцию Масарик начинал свою профессорскую деятельность в столице Англии. Вступительная его лекция — это как раз прекрасный пример его пропаганды.

Интересна прежде всего сама тема — попытка научного философско-социологического обоснования его теории национального самоопределения по отношению к малым народам.

Лекция была закончена докладчиком горячим призывом к активизму, ибо в переживаемый критический момент, по его мнению, нельзя уже только говорить.

Одновременно Масарик в Лондоне и Париже представил союзникам специальный меморандум, озаглавленный „независимая Чехия“ (*Independent Bohemia*), где доказывалась необходимость самостоятельной Чехии, как предпосылки всеобщего мира и обезврежения воинственного пангерманизма.

Два года спустя, в известной своей работе — „Новая Европа“, — первоначально писанной как меморандум для антантской дипломатии и правительства, проф. Масарик более подробно обосновал свою философию мировой войны и начертал идеологические предпосылки послевоенной Европы.

Одновременно, благодаря неутомимости ближайшего сотрудника Масарика Бенеша — всюду в антантских странах и прежде всего во Франции — умело была использована местная печать для ч. сл. национальной и политической пропаганды, что, как известно, вещь нелегкая и для малоизвестных народов-новичков на международном поприще — почти недоступная.

Чехословацкое освободительное движение фактически приходилось организовывать по всему миру. Во всяком случае в трех частях света: в Европе, Азии и Америке. Что тут был необходим непосредственный и живой контакт, постоянная координация действий на отдельных участках освободительного фронта, само собою разумеется.

Эта трудная задача целиком почти легла на лидера ч.-сл. эмиграции, проф. Масарика. Во время войны ему пришлось совершить единственное в своем роде кругосветное путешествие или, если хотите, политическое „турне“.

Оно просто и в то же время захватывающе описано в его воспоминаниях о войне. Графически представлено

оно на специальной карте, приложенной к французской новейшей публикации о дипломатической ч.-сл. борьбе за независимость.

Кроме информационной и дипломатической работы перед ч. сл. национально-эмиграционной стояли еще другие не менее важные вопросы: организационный, финансовый и военный.

Нужен был постоянный контакт с родиной. Нужна была, далее, боевая, революционная разведка, особенно с целью открывать происки германо-австрийского шпионажа.

В этом отношении прекрасно работала тайная чешская революционная организация „Маффия“, о которой в свое время подробно писалось на страницах этого журнала.

Ч. сл. освободительное движение и пропаганда нуждались, конечно, в денежных средствах. Масарик в этом отношении был приверженцем полной финансовой независимости революционного движения от союзников. Он дал лозунг — „собственными силами“. Для успеха революционного движения надо было создать собственный национальный фонд. Необходимые средства должны были внести значительные чешские колонии в Европе и, особенно, в Америке. Это действительно и с успехом было сделано. Нужные фонды были получены путем внутренне-национального, если так можно выразиться, займа. С полным правом президент Масарик в своем первом послании к народу после возвращения в Прагу — мог заявить что ч. сл. эмиграция на свою революционную работу не получила ни одного сантима от Союзников.

Еще более важным был вопрос военный, т. е., организация ч.-сл. легионов. Протест чехов по отношению к Австрии с самого начала войны выразился стихийным дезертирством чешских солдат в союзные армии. Из них затем были созданы ч. сл. легионы, т. е., революционная армия, блестяще показавшая себя на всех боевых фронтах: во Франции, России и Италии.

В этом отношении более всего было сделано Р. Штефаником, вторым главным сотрудником Масарика, выдающимся астрономом по специальности и в то же время хорошим знатоком военного дела и блестящим

летчиком. Благодаря своим личным связям в высших кругах Парижа и Рима, он оказал неоценимые дипломатические услуги по организации ч. сл. легионов, являясь в то-же время и одним из главных фактических их творцов.

И снова эта революционная чешская армия была, конечно, сильна не количеством, но своим духом, беззаветною преданностью делу, что в высшей степени подкрепляло политический авторитет ч. сл. освободительного движения и еще перед окончанием войны увенчало его фактическим признанием государственной самостоятельности Чехословакии, территориально находившейся в то время еще под оккупацией Австро-Венгрии.

Заканчивая эту беглую характеристику „самостийнической“ работы ч. сл. эмиграции — нельзя не отметить в ней еще одной очень яркой черты, на которую обратил особенное внимание в своем цигированном послании президент Масарик: имеем в виду абсолютную честность средств, какими чешские национальные революционеры боролись со своими исконными врагами: Австро-Венгрией и Германиею. Ни одной неправды или клеветы не было ими, по авторитетному заявлению Масарика, — брошено по адресу Вены или Берлина. Чешские самостийники боролись с открытым забралом, чего отнюдь нельзя сказать об их противниках, грязью и плевками подлых инсинуаций забрасывающих вождей ч. сл. эмиграции.

Австрийский министр иностранных дел, граф Чернин, с парламентской трибуны не постеснялся назвать лидера ч.-сл. освободительного движения — „несчастливым и подлым Масариком“. Австро-Венгерская пресса, по приказанию правительства, писала о нем, как о купленном антантском агенте.

Действительно, нужно было иметь много нравственного пафоса, чтобы по рыцарски бороться с этими австро-венгерскими последователями знаменитого Дон-Базилио, едва ли достойных такой чести...

Р. С. Опечатка: В предыдущей статье (см. № 22 „В. К.“) на стр. 12, правый столбец, 21 стр. сверху, вместо „икупонально-тактические“ надо читать: „принципиальные и тактические“.

Д-р А. Балабас.

Борьба на ниве и во дворе.

Из большевицкой прессы да и из всего поведения большевиков видно, что в последние два года их весьма тревожит необыкновенное понижение продукции зерновых культур в „районах, создающих мощные зерновые ресурсы для внутреннего рынка и для экспорта“.

Одним из таких районов является большевиками установленная административная единица — Северо-Кавказский Край, — в состав которого входят: вся юго-восточная территория Дона, вся Кубань с Ставропольщиной и северная часть Терека.

В этом Крае положение с „продукцией зерновых культур“ начинает быть просто катастрофическим не только для населения Края, но и для самих большевиков, которые никогда не считают с интересами хлеборобского населения.

Большевики никогда не задаются вопросом: сколько следует взять деньгами и натурой из того, или иного района, чтобы не повредить жизненным интересам населения? У них решающим является такое соображение: для выполнения заданий „центра“ необходимо из такого-то района выбрать столько-то. И выбирают, выколачивают, грабят! — Как хищник, что, в момент своей ярости, безрассудно уничтожает все без сожаления, не задумываясь о будущем.

Но нельзя грабить и выжимать до бесконечности. Давно, очевидно, уже перешагнуты и самые крайние границы материальных возможностей, ибо административно-чекистский пресс, так безукоризненно действовавший во времена военного коммунизма и в ряде лет после, в этом году, как, впрочем, и в предыдущем, не

дал желанного эффекта: б-ки не выжали из населения Северо-Кавказского Края того, что „положено по плану центра“.

И тут только пооглянулись грабители вокруг себя и увидели, что грабить то уже не из чего. Стали искать причин обнищания объекта своей ненасытной жадности, причин обнищания хлеборобов. И нашли: низкая урожайность.

Нужно признать, что отгадали причину обнищания населения правильно. Но эта причина — низкая урожайность — является всего лишь последним звеном той цепи других причин, какие не коренятся в свойствах и особенностях северокавказской почвы, а в природе и существе московско-коммунистического управления страной. Заглянуть в „корень вещей“, т. е. признать, что все звенья тяжелой цепи несчастий населения искусственно и планомерно созданы ими, большевики не хотят и тупо и упорно твердят:

— Истощился великолепный чернозем северокавказских равнин.

А в ответ на эту казенную ложь советской прессы, советских сановников и их подголосков, из глухих углов разоренных хуторов и станиц поработенных Земель доносится бессильный протест:

— Ложь! Не истощился чернозем еще. Не истощение чернозема является причиной того, что мы получаем „40%“ урожая на земле, на которой — воткни оглоблю, вырастет тарантас!*

Очевидно, что и сами б-ки отлично понимают, что не в истощении чернозема суть дела. Суть дела в чем

то инд. А это иное — неограниченное и хищническое распоряжение московских оккупантов имуществом и трудом населения Северокавказского Края.

Ежегодно „центру“ необходимо собрать для „потребляющих районов (и для международной коммунистической рати, добавим еще) определенный оброк зерном, мукой и проч. продуктами. В диком ослеплении ежегодно рвут безрассудно московские хищники живые силы хлебороба и этим привели сельское хозяйство до такого состояния, что уже ни „чрезвычайные меры“, ни „перегибы“ не достигают цели. А оброк должен быть выбран!

Как добиться этого? Способ, повидимому, только один — новое напряжение физических сил населения. Нужно заставить население взять от земли больше, чем оно в настоящих условиях берет. Заставить население, но самим ничем не поступиться.

Так „удумала“ все с'едающая коммунистическая власть и объявила „войну товарищу урожаю и земле саботажнице“.*)

Золотой век большевицкого „нагановского“ разрешения затруднений прошел. Ни пулеметом, ни саблей теперь уже не могут б-ки разрешать экономических проблем. Хотя и пулемет, и сабля еще служат им, но... уже были случаи „осечек“ и поэтому — нужно „изловчаться, маневрировать, поворачиваться“.

Всегда так было: когда тиран очутится в политическом или финансовом затруднении, он, если обычные в его практике приемы не действуют, начинает „либеральничать“ — позволяет заговорить притесняемым. Залиберальничали и б-ки. Отяжелевшие приказчики Москвы — краевые и окружные комсановники — оставили на момент свои канцелярии-гаремы и „повернулись лицом к деревне (в который раз?!), вошли в соприкосновение с хлеборобскими массами“.

Практически это „соприкосновение“ выявилося тем, что, впервые за все время своего господства в наших Землях, б-ки создали с'езды действительно трудящихся, сначала краевой в Ростове, куда с'ехали, правда, только краевые и окружные заправилы, а потом окружные, куда приехали и настоящие хлеборобы.

Первым из серии окружных с'ездов состоялся с'езд кубанский. Аршинными буквами в местной (краснодарской) газете было извещено о первом „С'езде по улучшению урожайности“ и 8 сентября с. г. с'ехалось в Краснодар 830 делегатов, из коих было: 697 душ из станиц и хуторов Кубанского округа, 128 городских и 5 „из Края“ (Ростова).

„Рабоче-крестьянская“ власть приурочила с'езд к моменту учебных сборов красноармейцев и поэтому делегаты первого хлеборобского с'езда были встречены весьма „торжественно“. Торжественность заключалась в следующем: казармы и улицы города были набиты до отказа красноармейскими частями; вокруг города гремели пушки и трещали ружья и пулеметы маневрировавших частей красной армии; всевозможные организации рабочих, принимавших активное участие в маневрах, были также вооружены вплоть до газовых масок; в президиуме с'езда восседали командующий Северо-Кавказским Краем, начальник Таманской дивизии, несколько бритоголовых и остроносых, всем в округе хорошо известных, представителей чеки, и много других коммунистических сановников, составлявших добрую половину 51-членского президиума с'езда.

Подавленные столь „торжественной“ обстановкой „делегаты с'езда, заполнившие все места вместительного зала Зимнего театра“ были так „строго деловиты“, что в рядах их царило „напряженное внимание“ и не было „слышно шума и разговоров, обычных для минут ожидания“**).

Знакомая картина! Девять лет назад, в том же городе, при такой же оружейно-пулеметной „торжественной“ обстановке и в том же вместительном зале Зимнего театра, также царило напряженное внимание и

не было слышно шума и разговоров, обычных для минут ожидания. А на возвышении, около стола президиума Кубанской Краевой Рады, торчала долговязая фигура „русского“ барона в казачьей черкеске, фигура, сопровождаемая ликующей сворой палачей, что, всего два дня перед тем, повесили на исторической площади города лучшего из сынов Кубани. И барон приказывал „напряженно слушающим“ представителям Кубанского народа: „напречь последние силы и отдать свою жизнь и все достояние на спасение русского народа“.

Теперь иная, другой окраски, но также чужая и нахабная свора туенядцев и палачей собрала в „вместительный зал Зимнего театра“ действительно трудящихся кубанских пахарей ч приказывает им: „напречь все силы, чтобы вернуть Кубани ее значение житницы советской земли“, чтобы „в кратчайший срок возвратить округ, располагающий лучшими черноземами, к производству в больших размерах хлебных злаков и в первую очередь пшеницы... необходимых потребляющим районам советской страны и для экспорта“.

На с'езд приехали не только клакеры соввласти, разные там представители советов, райзо, колхозов, но и представители от трудящегося хлеборобского населения, люди „от плуга, какие знают и истинное положение вещей в сельском хозяйстве и истинные причины, тормозящие рост и развитие сельского хозяйства“. Каковы были настроения и осведомленность этих представителей это большевицкие аранжеры с'езда знали из их наказов. Ложь и выкручивания были не у места и поэтому, устами главного докладчика, московские приказчики предложили делегатам с'езда „высказаться на чистоту“. Состоялся коллективный диалог между представителями Москвы и представителями Кубани.

Представители Москвы констатировали:

в целом ряде отраслей сельского хозяйства крайне тяжелое положение;

в текущем году в зерновой продукции сельского хозяйства положение катастрофическое;

Кубань, легендарный пшеничный край, в свое время кормивший хлебом всю Россию, испытывает ныне ужасное недомогание;

Кубань из сказочной житницы превратилась в худосочный районик;

посевная площадь Кубани до сих пор не достигла площади до-военной, а с 1926 г. обнаружилось новое и быстрое понижение ее;

валовая продукция зерна также быстро понижается: в 1926 г. собрано 79 мил. пудов, в 1927 — 60 мил. пуд., в 1928 — 56 мил. пуд.;

товарность основной культуры в кубанском хозяйстве — пшеницы — катастрофически понижается: в 1926 г. она составляла 52,2% валового сбора, в 1927 г. — 31,3%, в текущем 1928 г. — 3%*).

Где выход, где спасение из столь тягостного положения? спрашивают самих себя коммунистические „хозяйственники“ и отвечают:

в организации государственных зерновых фабрик — колхозов;

в коллективизации единоличных хозяйств, ибо „мелкие хозяйства не могут производить товарного хлеба“;

в прямом вмешательстве коммунистических органов власти своими советами и обязательными постановлениями в хозяйственную работу хлеборобских дворов;

в контрактации**) единоличных и коллективных хозяйств;

в одобрении и активной поддержке хозяйствующим населением всех больших начинаний соввласти и компартии.

Когда пришла очередь говорить представителям трудящихся Кубани, то они не опротестовали ни одного из утверждений московских докладчиков; не обмолвились также ни словом о предложенных мерах для спасения положения. Говорили только о причинах пониже-

*) Кр. Зн. № 2508.

**) Все фразы и слова в кавычках взяты из большевицкого отчета о с'езде.

*) Все данные целиком, без изменений, из б-кого отчета о с'езде.

**) Определенная форма договора отдельных хозяйств с совластью.

ния „продукции зерновых культур“. Вот главнейшие из этих причин:

сознательное дробление многосемейных хозяйств, чтобы избежать включения в „разряд кулацких“;

невозможность и бессмысленность улучшения хозяйства, ибо каждое, мало-мальски улучшенное единичное хозяйство попадает в „разряд кулацких“, преследуемых;

безхозяйственность и непопулярность колхозов, куда идут самые неумелые, неграмотные и неразвитые элементы населения;

наделение землей тех, кто ее не обрабатывает;

недостаточность, изношенность и невозможность приобрести новые сельско-хозяйственные машины и орудия;

недостаток и маломощность рабочего скота; отсутствие или недостаточность и недоброкачественность посевного материала;

низкие, государством устанавливаемые, цены на зерновые продукты;

разверстки, обложения, „самообложения“ и налоги, налоги, налоги!

— Разговоры о тяжести налога — никуда негодящееся упрощение вопроса. Налог необходим для удовлетворения больших расходов государства, — таково было заключительное слово большевицкого докладчика.

И, чтобы довершить издевательство, на другой же день после этого диалога, в местной прессе появилось интервью с председателем краевого исполкома, в котором было заявлено, что сельхозналог „в предстоящем 1928—29 г. намечен к увеличению, примерно, на 25% и должен быть доведен с 310 мил. рублей до 400 миллионов“.*)

Так окончилось „соприкосновение советских работников“ с хлеборобскими представителями.

Кто хоть немного знает природные условия северо-кавказских и донских равнин, тот поймет, как нелепо большевицкое объяснение понижения продукции зерновых культур истощением чернозема. Но... нелепость и обман — обычные средства большевицкой „работы“.

Действительные мотивы с'ездов не „лечение чернозема“, не „увещевание земли саботажницы“, а маневр для удержания в повиновении тех, кто уже повиноваться не намерен. Дело в том, что у б-ков уже долгое время происходит то, что наилучше характеризуется выражением: „потеряна инициатива“. Раньше, когда в каждой воспаленной коммунистической голове был еще „чад октября“, а население было ошеломлено, можно было, что угодно выдумать и как угодно проводить. Теперь этого уже нельзя, как-то „неловко“ рубить с плеча и поэтому лишь „культурной“ затеей можно морочить голову, когда во чтобы то ни стало нужно:

сделать отдушину накопившимся страстям, вызванным хлебозаготовками и налоговыми кампаниями;

отвести гнев эксплуатируемых от истинных причин и истинных виновников всех несчастий;

главное же: вырвать у авторитетных представителей населения согласие на „прямое вмешательство власти в хозяйственную работу хлеборобских дворов“ и добиться „одобрения и активной поддержки всех больших начинаний соввласти и компартии“.

Ничего этого большевики не достигли устройством с'езда. Повидимому, надежды и расчеты обеих сторон

*) „Кр. Зн.“ № 2511.

не оправдались. Встреча представителей трудящихся Кубани с приказчиками Москвы лишний раз обнаружила „противоположность интересов и разное понимание хозяйственных проблем“. Как была, так и осталась Москва грабительницей „окраин“. Как было, так и осталось: не по пути. И ни проблеска, ни малейшей надежды на изменение к лучшему. Наоборот — ухудшение: упорное стремление ненасытных оккупантов к прямому вмешательству в хозяйственную работу хлеборобского двора, упорное стремление к непосредственному распоряжению каждым клочком трудовой нивы, политой потом и кровью ее пахаря.

Где спасение? Где защита? Кто поможет?

Разрозненные восстания, уход в плавни и леса, эти старые сомнительные способы борьбы с оккупантами уже давно испробованы и отвергнуты. Такие способы борьбы ослабляют только одну сторону — восстающих, но не приносят осязательного вреда притеснителю, который имеет к своим услугам миллионы послушного населения средне-русских равнин.

За долгие годы непосредственного соприкосновения с врагом население Казачьих Земель изучило его качества: лживый, ненасытный и ленивый. Живет больше трудом других. И поэтому: не трудиться для врага! — вот новый лозунг новой борьбы „окраин“ с Москвой.

И лишь потухли огни в с'ездовой зале и депутаты хлеборобов прибыли на места, как сейчас же оккупанты почувствовали, чего они добились новым обманом. Катастрофическое снижение поступлений сельхозналога (7—15% общего задания), полное игнорирование советских займов (размещение 10—20 облигаций по десяти тысячам станицам), понижение хлебозаготовок, вялость посевной кампании — вот ответ населения Северо-Кавказского Края, ответ, достойный и мужественной, на новое нападение „центра“.

Борьба, как того хотят приказчики Москвы, перенесена на ниву и во двор хлебороба. На трудовой полосе и во дворе хлебороб встретил ненавидимого врага так, как лишь мог „наилучше“ встретить его обезоруженный боец на последней позиции: сложил на груди руки — перестал работать.

Это единственно действительный в тамошних условиях способ борьбы угнетаемых с поработителями. Так, впрочем, борются все обезоруженные и эксплуатируемые в целом свете. Но этот способ борьбы (всегда более тяжкий для тех, кто им пользуется, чем для тех, против кого борьба направлена), действителен лишь при длительном его ведении. Только в таком случае он ослабляет и угнетателя.

Население Северо-Кавказского Края встало на путь длительной и упорной экономической борьбы с оккупантами. Разорение, нищета, полный упадок хозяйственной жизни — вот что ждет наши Земли, как следствие молчаливых, но общих и согласованных решений и действий населения наших Земель.

Силы Москвы еще огромны. В средствах борьбы она не разборчива. Легко себе можем представить, что ждет наши Родные Земли!

Придем им на помощь! Об'единимся здесь, соберем все разрозненные свои силы, найдем союзников и попутчиков, чтобы в подходящий момент подать руку действительной помощи нашему, изнывающему в неравной борьбе, народу.

Будем помнить, что не может быть врага, более разоряющего наши Земли, более изнуряющего силы нашего народа, чем коммунистическая Москва!

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Д-р С. Федоров.

Анкета о Казачестве.

Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Издание „Казачьего Союза“ Villa Chauvelot, Paris (XVe), France. 1928. страниц 379 ¹/₄.

I.

Интересный сам по себе опыт произвести анкету о казаках среди политических, общественных и военных деятелей, писателей и журналистов, представителей ученого мира и т. д. и т. п., увенчался до некоторой степени успехом однобоким. Здоровая и смелая мысль — собрать для Казачества материал о нем самом путем опроса людей иначе мыслящих и верующих, все же не была проведена с надлежащей объективностью. В сборнике зияют громадные пустоты из за отсутствия мнений представителей многих течений казачьей мысли. Вследствие этого, рядовой читатель, внимательно перебрав предложенный ему в сборнике материал, к тому же и в совершенно не систематизированном виде, не получит истинного представления о том, как думает и мыслит о себе само Казачество.

Слово Казачества о себе, своем прошлом и будущем и должно было бы составлять основу Сборника. Мнения казаков, иностранцев и б. соотечественников — должны были бы (если бы вообще это было нужно) явиться только дополнением и фоном.

Правда, было приглашено около двух сот лиц дать свое мнение для сборника, откликнулось около половины, даже меньше; многие уклонились, многие не сумели, а еще больше тех, которые и сумели бы и хотели бы, но их не пригласили.

В самом деле — составители сборника в своей анкете сделали сразу такие предпосылки, что не всем можно было прямо, искренне и чистосердечно излагать свои мысли, не каждый бы „дерзнул“ ответить не так, как хотела сама анкета.

— „В общей форме ответить на вашу анкету не трудно: в Ваших вопросах даны уже некоторые — и при том существенные ответы. Вы пишете о казачестве „новой России“... (Б. С. Миркин - Гецевичъ, стр. 60). И, наверно, по этим причинам донской генерал, командир корпуса на эмиграции, Абрамов, отказался дать ответ, п. что „вольное казачество“ не относится терпимо к мыслям других*).

Генерал этот, конечно, не говорил о „Вольном Казачестве“ нашем, мы не были ни инициаторами ни сотрудниками в составлении Сборника; генерал под „вольным казачеством“ разумел составителей анкеты, много говорящих о демократизме, воле и вольности в „новой России“, хотя вольность Казачества в ней, как ее понимают представители этого течения, можно очень хорошо сравнить с „вольностью“ тяглового скота в российской упряжке, которую иногда „ласковый хозяин“ позволяет помычат и побрыкаться в отгороженном пространстве.

Разве не так звучат все эти слова о свободе, народопрямстве, когда Казачество мислится всенепременно в российской упряжке, в рамках всевозможных этих самоуправлений, автономий и даже лже-федераций, не говоря уже о бессодержательной формле „свободное казачество“.

А Сборник мог бы быть и ценнее и интереснее, если бы анкета не предопределяла ответов на свои вопросы и предоставила бы каждому писать свое.

Как следствие этих предпосылок и получился Сборник казачьих „хвалоспевов“. Неудобно же не похвалить пригласившего, когда он сам на это напрашивается, и как же высказывающемуся казаку воздержаться от самовосхваления, когда к нему зовет сама анкета.

А „гречневая каша сама себя хвалит“ и без всех этих самоупоений ролью Казачества в России минувшей и будущей, завершив шедевром самовосхваления: „Казаки лучшие русские люди“ (Горчуков, стр. 125). Без

*) См. „Вестник Казачьего Союза“ . посл. №.

этого было бы куда лучше, солиднее и достойнее; не вызывало бы по крайней мере сарказмов и снисходительных улыбочек неказаков — русских, попавших в рязряд людей среднего или просто не так хорошего качества. Поистине — заставь „лучшего“ Москве молиться он и лоб пробьет.

А этой Москве — России составителями сборника отведено первейшее место и не только в предложении изливать свои чувства в отношении „Новой России“, но и в приглашениях (довольно многочисленных) представителей „русского народа“ (не казаков) подать и свой голос в этом вопросе.

Получается такое впечатление, что составителям анкеты хотелось прежде всего услышать своего будущего „барина“, а вся, мол, остальная публика, от „Новой России“ как то отошедшая не ценна и не интересна в своих мнениях о Казачестве.

Может быть мы ошибаемся, может быть это и не так, но нам известно, что приглашения принять участие в анкете рассылались от имени и за подписью одного лица и уже слишком значительно проявился субъективизм этого лица в подборе приглашенных лиц.

Единоуделимчество и русскость как бы служили патентом на участие в Сборнике и только для „объективизма“ были приглашены по паре — другой самостийников, федералистов и прочей „нечести“.

И вышел сборник, как Ноев ковчег, в который спасатель рода человеческого рзл по семь пар чистых и только по паре нечистых..., чем не таким же спасателем рода Казачьего от гибели в разбушевавшемся океане русской стихии, оказался и приглашавший подать мнение о Казачестве?

Мы не хотим быть голословными и заставим лучше говорить цифры!

В сборнике помещено 88 отзывов, из них казачьих — 56, неказачьих — 32, и из 32 неказачьих — 29 принадлежат русским, в числе которых есть и весьма отзывавшиеся „чертой оседлости“ „русские“ фамилии.

„Барин“ русский, возможный властелин „Новой России“ нашел первейшее место. Да и то, не будь б. гетман, связанный узами старого знакомства по гвардейской службе с приглашавшим, вряд ли бы попал вообще какой нибудь украинец на страницы Сборника. А Украина 260 лет душилась в одном московском котле, вместе с Вольным Казачеством, испила ту же горькую чашу и так же по революции возродила „Вільне Козацтво“ и старо казачьи традиции положила в основу своего государственного строительства.

Для мнения представителей казацкого народа украинского места не нашлось, по его нашлось вдвое больше для мнения представителей „тоже русского“ народа.

Не нашлось там места и для тех представителей освобожденных народов, которые вместе с Казачеством варились столетиями в общероссийском котле, на землях которых проливалось Казачество свою кровь в Великую войну и которые, конечно, теперь могли бы сказать куда более ценное для казачества, чем многие из русских „бар“, увековечивших свои имена в Казачьем Сборнике.

А разве не интересно было бы мнение о казаках и Казачестве представителей народов Югославии, Чехословакии, Болгарии, Польши, в массах приютивших ныне эмигрантов-казаков и оказавших им славяно-братскую помощь?

Голоса их тоже нет.

И не только на неказачьей части Сборника отразился субъективизм приглашавшего, ярко он проявился и в казачьем его отделе.

Из 56 статей, 34 принадлежат донцам, 8 терцам и только 10 кубанцам, да и то один из них генерал кубанец — „воловоый“, за 12 пар племенных быков (из военной добычи!) приписанный к станице! Разве таково соотношение культурных сил „вольного“ казачьих Войск, вышедших на эмиграцию? Конечно же нет. И здесь мы

видим глубокое зияние: почти обойдены самостийники, отсутствуют мнения представителей кубанской общественной и политической мысли, которые свили себе гнездо в Чехословакии под крыльями Земгора или, будучи в свое время „самостийниками“, теперь перекрасились в другие национальные цвета.

Нет многих ярких членов Рады, нет голоса кубанских поэтов и писателей, а их не малое число и при том старых, убеленных сединами, голос которых ценит и слушает рядовое Казачество. Мы уверены, что более широкий доступ кубанцев на страницы Сборника сильно бы испортил „истинно-русский“ акафист единой неделимой „Новой России“ и обновленному русскому народу.

По крайней мере и российская газета „Возрождение“, в симпатиях которой к составителям Сборника положительно не приходится сомневаться, старается отнестись помещенных в нем кубанцев „самостийников“ в „украинское“ казачество и из линейца с обыкновенной „кацапской“ фамилией хочет сделать полковника с украинской фамилией *).

По мнению этой же газеты в Сборнике хорошо представлены, кроме донцов, кубанцев и терцев — уральцы, оренбуржцы, сибирцы, енисейцы и т. д., а их

*) № 1227. статья „Казачество“.

то голос, для нас, казаков „вольных“ Войск, особенно ценный и интересный умален донельзя: 2 уральца, 2 сибирца, 1 енисеец, 1 калмык, 1 оренбуржец, но зато два „истиннорусских“ еврея.

А казаков Дальне-восточных Войск на эмиграции весьма и весьма не малое число, хотя и не здесь, в Европе.

Вот почему мы никак не можем признать Сборник о Казачестве удачным в смысле всестороннего охвата казачьей мысли, хотя интерес его несомненный и материал для размышления о Казачестве в нем весьма ценный, но только для казака с широким образованием, могущего разобраться в том, где там правда, а где „измышление“. Рядовой читатель, казак и не казак, трудно сможет проверить предложенный ему в Сборнике винигрет, составленный в большинстве из коротких, голых догматических утверждений.

Возможно, что казачья учащаяся молодежь и найдёт в Сборнике толчок к серьезным занятиям, к изучению казачьего вопроса, но что будущий историк не составит себе правдивого и ценного представления о казачье-эмигрантской мысли, вина тому есть в „суб’ективном“ подборе приглашенных к анкете лиц, покоящемся на неизжитом еще в некоторых кругах „первородстве“ „Старшего Брата“.

(Продолжение следует).

В. Вазагов.

Соседи Казачества.

V.

Быт осетин.

Можно сказать, что сто лет тому назад осетины жили родовым бытом. Каждый род жил обособленно и замкнутою жизнью, исполненный недоверия и опасения ко всему, что кругом него, что не он сам. Аулы редко сносились друг с другом через пропасти и снеговые утесы, а если и сталкивались, то большей частью для разрешения оружием какого либо спора за лес или пастбище или для выполнения священных законов кровавой мести. В случае общей военной опасности, осетины также собирались на народные собрания (вече) для принятия каких-либо мер или организации встречного военного наступления против врага.

С развитием просвещения, все атрибуты родового уклада жизни постепенно отмирают. Первоначальный „нихас“, т. е. собрание всех полноправных хозяев, представлявшее собой все государственное устройство, суды и законы, уступает место более современным правовым нормам.

Всякий покорялся безпрекословно приговору нихаса и неподвижным обычаям старины, которые поддерживались даже изгнанием, даже смертной казнью.

В стенах дома была одна, точно такая же простая, беспепеляционная, веками освященная, власть — воля отца.

Отец — глава дома, это живой закон осетинской семьи; даже взрослый сын не смеет заговорить с ним первый, не смеет сесть при нем, не смеет есть при нем. Отец входит в комнату — и все встает на ноги, — жена, сыновья, домочадцы, все умолкает и ждет, что скажет, что велит сделать хозяин.

Старшинство вообще в огромном почете у всех горцев. Обычай старшинства у осетин — это основа общественной жизни. Он постепенно получает характер обычая юридического и не только угасает в общественно-семейном обиходе, но все больше и больше цивилизуется и укрепляется в сознании народа. Младший брат во всем слушается старшего, служит ему, не садится при нем. Генералы, полковники, заслуженные офицеры и чиновники из осетин — встают с своего места и уступают его, когда в дом войдет старик, хотя бы простой пастух. В этом случае, социальное или имущественное превосходство не играет никакой роли.

Даже и до сих пор в некоторых семьях отец обещает отдельно от семьи; ему служат младшие члены. Для него в доме непременно стоит особое деревянное кресло, большую часть изукрашенное резьбой, иногда глубокой старины. Осетин не сидит поджав ноги, как другие горцы С. Кавказ, а садится на скамьи и стулья. Но это почетное* семейное кресло служит только для отца, переходя из рода в род, как атрибут родительской власти. В этом обычае нельзя не узнать черты нравов древнего германца, в простом быту которого мы имеем подобное же явление. И до сих пор в Германии кое-где сохранилось это священное значение дедовского кресла.

Влияние новых идей и давление русской культуры во многом ослабили некоторые из осетинских обычаев. Но и до сих пор еще держатся крепко те из них, которые в том или ином отношении целесообразны. Обычай, как известно, рождается необходимостью. Но, коль скоро изменяются условия жизни, появляются новые потребности и новые обычные нормы. Горский адат в этом отношении прогрессивно развивается, все больше проникаясь культурным содержанием. До сих пор, глава дома господствует в семье, но теперь — по столько по сколько его верховенство целесообразно и не нарушает общей гармонии духовной и материальной жизни данной семьи.

На торжественной пирушке, что бывает очень часто у горцев, глава дома с хлебом в одной руке, с кубком, полным пива или араки, в другой, читает нечто вроде молитвы и, вместе с тем, приветствия гостям; только после такого благословения пирующих патриархом дома, все принимаются за питье и еду. На кувдах (празднества) глава дома точно также приносит за свой род жертвы богам. Он везде олицетворяет собой семью. Он не только ее хозяин, он ее царь.

В прежние времена этот осетинский *pater familias* мог казнить смертью жену или сына. Народное собрание (нихас) объявляло приговор, но казнь над членом семьи выполнял ее владыка. К настоящему времени все эти обычно-правные руины коренным образом изменились или отошли в область преданий.

У всех горцев женщина и дети неприкосновенны. Обидеть их считается величайшим позором; ничто и

никто не может оправдать от расправы и общего презрения мужчину перед обществом за нанесение обиды слаботу. Такой человек почитается нарушителем священного адата, потерявшим честь и достоинство мужчины.

Жена не раба мужа. Она пользуется уважением и молчаливо господствует и над мужем — главой дома. Но, обращаясь с женщиной рыцарски, от нее, в свою очередь, требуется не преклонение или подчинение, а уважение к мужчине и признание за ним его превосходства. В строгом соблюдении обоюдного уважения заключается начало взаимоотношения мужчины и женщины, мужа и жены.

Горянки, даже мусульманки, не закрывают лица, но тем не менее, присутствие ее в мужском обществе, где есть посторонние мужчины, не допустимо. При входе ее в комнату, все мужчины встают и ожидают от нее приглашения сесть, но сама она не может долго задерживаться в этой комнате, а, задержавшись, должна молчать или тихо подавать свой голос, — это зависит от ее возраста. Конечно, у интеллигенции эти правила уже не существуют.

Идеал женщины — у горцев — это скромная женственность.

Женщине, проходящей по улице все обязаны снимать шапку или вставать при ее прохождении. Женщины в редких случаях может ходить одна.

Считается предосудительным, когда не старая женщина без дела гуляет или стоит на улице. В последнее время все эти этические правила значительно ослабели.

Пустынная жизнь гор, отсутствие всякой торговой и промышленной жизни, всяких сношений с городами, поневоле заставили осетинку находить в себе самой, внутри своего галуана, удовлетворение всем потребностям семьи.

Осетинка сама прядет шерсть своих овец и тклет из нее прекрасные мягкие ткани для черкески или башлыка своего мужа; она же шьет ему чевяки и ноговицы, папаху из домашней овчины, готовит изящные позументы и тесьмы для отделки его платья и оружия. На женщине лежат все заботы в доме. „Трудно найти более трудолюбивую и полезную для дома хозяйку „как осетинка“, говорит проф. Пожидаев. Словом, осетин одет с головы до ног своей женой. Она же готовит мужу любимое его пиво (ячменное) и арака; она лакомит его вкусными сырниками, пирожками и пр. Но за то полевые и пр. с.-хозяйственные работы ложатся исключительно на хозяина дома. Считается не совсем нормальным, чтобы женщина осетинка работала в поле, ибо ее удел — домашний очаг, ее мир — семья.

Как бы поздно не вернулся глава дома, жена должна ждать его, не раздеваясь, снять с него мокрую бурку, обогреть и накормить, но... муж стыдится сказать ей ласковое слово, проявить какие-то нежные, „сантиментальные“ чувства.

Конечно, эти обычаи постепенно уступают место более мягким и культурным правилам, но влияние идеи и времени не в силах окончательно сломить сопротивление вековых привычек, ибо мирозерцание современного культурного осетина от начала до конца пронизывается „заветами отцов“, нарушение которых считается позором в глазах всего общества. И русская культура, обыкновенно, воспринималась осетинами не вполне, а частично. Все то, что шло в разрез с началами национальной культуры, отбрасывалось, а оставшееся культивировалось и воспринималось в национально-самобытном духе.

Так, русский язык и литература воспринимается образованным осетином не для эстетического или морального удовлетворения, не для выражения на русском языке своих душевных настроений, а для приобретения знаний, для расширения своего кругозора во имя духовно-национального и материального преуспевания. Поэтому горцев вообще, а в частности осетин, русифицировать невозможно. По этой же причине горцы почти не поддаются ассимиляции.

Из всех обычаев, однако, крепче всего уцелели обычаи гостеприимства, уважения к отеческой власти и почитание старшинства.

Жители осетинских аулов несут своего рода изрядный налог, выполняя обычай гостеприимства.

В аулах осетин нет ни тракторов, ни кабаков, ни постоялых дворов, ни лавок. Проезжаем, волей-неволей приходится отдавать себя и своего коня в полное распоряжение местных жителей. Каждый житель, согласно обычая, обязан пригласить к себе путника, даже без его к нему обращения. Войдя в саклю, гость делается как бы членом этой семьи. Считается не уместным расспрашивать гостя кто он, откуда и куда держит путь. Всякий гость, кто бы он ни был, случайный или неслучайный, со вхождением в дом хозяина делается неприкосновенным, с точки зрения обычного права. Для хозяина гость — священное лицо, защиту которого он берет на себя за время пребывания гостя в в его доме, а вне дома, в пути, старается по возможности охранять его благополучие.

Более зажиточные хозяева, обыкновенно, гордятся друг перед другом, конкурируют между собой в гостеприимстве. Они тщеславятся открытым образом своей жизни и многочисленностью своих гостей. А раз странник побывал в доме, он уже входит с ним в известного рода нравственные обязательства, рождаются с ним духовно. Если, проезжая аул в другой раз, он минует прежнего хозяина и остановится у другого, он наносит этим кровную обиду первому и позорит его в глазах всего аула. Это значит, что гость был недоброжелателем гостеприимством прежнего хозяина. Таким образом, дома некоторых особенно гостеприимных осетин делаются даровыми гостиницами, а за славу гостеприимного хозяина им приходится жертвовать долей своих доходов.

И, если даже человек бедный, но гостеприимный хозяин, то он пользуется в обществе осетин большим почетом и уважением. Поэтому каждый житель аула, бедный или богатый по возможности старается устраивать домашние праздники на которых режутся быки, бараны и пр.; приготавливается пиво и вино. Открываются ворота и хозяин на улице караулит всех проезжих, приглашая их на пир, который длится иногда неделями. Были случаи, когда на такие случайные кувды расходовались одновременно десятки тысяч.

Отказать путнику, постучавшему в дверь, никто не решится, какова бы не была его крайность. Если хозяину нечего самому есть, он пойдет попросить соседей, и они принесут ему охотно, кто что может. Даже, когда хозяина нет дома, всякий смело входит в его кунацкую.

Нищих и безкровных людей в осетинском ауле не бывает. Это считается большим позором не только для его родных, близких или дальних родственников, но накладывает печать позора на всю общину. Но если закон гостеприимства разорителен для богатых, то свадьба, похороны и поминки разоряют все аульное население.

Как бы не был беден человек, он обязан позвать на свадьбу весь аул. Иногда и соседние, и угощать их три дня сряду вином, аракой пивом и мясом. При поминках — устраивать скачки и джигитовку на призы.

Богатые и бедные одинаково посещают соседей, и бедняга бывает часто вынужден не только порезать весь свой скот до последней головы, но даже закабалить себя, чтобы отпраздновать свадьбу.

Все эти разорительные обычаи за последние двадцатилетие заметно ограничиваются. Содержание остается прежнее, но формы приобретают более современный характер.

Большое значение у осетин, да и у всех горцев имеет соседство. Сосед соседу является близким человеком, а иногда соседи живут общей хозяйственной жизнью. Соседские отношения также регулируются целым рядом обычно-правных норм.

Горцы жили своими законами; на все случаи жизни и правонарушений существовали свои обычаи, с которыми горцы считались больше, чем с писаными общероссийскими законами. Применение этих законов приносило иногда большой вред народам С. Кавказа, ибо оно непрошено вторгалось и подрывало вековые устои, на которых столетиями построилась вся духовная мощь и красота, мировоззрение и высокая этика горцев Северного Кавказа.

Сергей Макеев.
(Франция).

В борьбе за Родину.

(Отрывок из главы XVIII-й).

В конце октября вся территория В. С. Ю. Р. была ошеломлена приказом генерала Деникина о предании суду кубанских политических деятелей: Савицкого, Быча, Калабухова и Намитокова и представителей горских народов: Чермоева, Гайдар-Бамата и других, за „государственную измену“, т. е., за договор дружбы, подписанный Правительством Кубани и Республикой Союза Горцев С. Кавказа.

В виду того, что названные лица находились в это время в Париже, то представителям власти вменялось в обязанность при появлении „изменников“ на „Юге России“, немедленно арестовать их и предать суду.

К моменту приказа Деникина возвратился из Парижа только Кулабухов, на которого и обрушился весь московский генералитет.

Хотели арестовать Кулабухова. Учитывая настроение в казачьих массах, Деникин приказал включить Кубань в „тыловой район“ Кавказской армии и распорядился о назначении начальника тылового района. Таким образом, права и власть Войскового Атамана и Правительства свелись на нет. Генерал Врангель, как командующий Кавказской армией, назначил начальником тыла генерала Покровского — яркого противника всей казачьей интеллигенции, — и сняв с фронта бригаду казаков, отправил в Екатеринодар для „ликвидации изменников“.

Покровский арестовал не только Кулабухова...

Состоялся военно-полевой суд и 7-го ноября Кулабухов, приговоренный к смертной казни, был повешен в Екатеринодаре, в казачьей одежде, с надписью на груди измену“.

Ликвидация „изменников“ закончилась. Покровскому пожимали руки, благодарили, устраивали в его честь банкеты, торжествовали победу... Правые политические группировки радовались... В печати не жалели красок...

Никакие протесты Кубанского Атамана и Правительства не оказали воздействия на Деникина.

Автономия Края была нарушена самым постыдным образом.

Если бы и виноват был Кулабухов, то судить его могли только Кубанским Правительственным судом, но не по приказу Деникина и не судом, специально назначенным Покровским.

Я уже сказал, что правые группировки торжествовали и радовались, а им вторили большевики, зная наизусть, что подобное „разрешение политических недоразумений“ между казачьими правительствами и Деникиным приведет к развалу армии, состоявшей исключительно из казаков.

Смерть Кулабухова, подлая казнь народного депутата, казнь всенародно на площади Кубанской столи-

цы, в национальном костюме, произвела тяжелое впечатление на всю казачью массу. И правые и левые — все казаки без исключения — возмущенно говорили, что стремление Москвы к уничтожению вольного Казачества проявляется на каждом шагу.

Если многие и радовались смерти Кулабухова, как своего политического врага, то печально склоняли свои головы перед казненным депутатом.

Совершенно другое настроение замечалось в казачьем лагере.

— Наконец то разрезали этот „гнилой нарыв“! — говорил мне в Ростове один армейский генерал. — Молодец Покровский, ловко он обстряпал дело! В два дня закончил всю операцию. Теперь дело пойдет по другому! — Армейский генерал от души радовался и возносил Покровского на самый верх тыловых стратегов.

— А я думаю по другому, Ваше Превосходительство, — заметил я, — нарыв только еще назревает и лопнет тогда, когда казаки бросят фронт и армии откатятся к исходному положению! —

— Что вы за ересь несете!? Из-за каких то прохвостов распылится армия!? Ведь казаки вполне понимают важность дела и сочувственно относятся к этому!

— Я ближе стою к казакам и знаю их мысли и настроения...

На прощанье я сказал генералу, что из нашего лагеря уже убежало четыре казака на Кубань, не желая возвращаться на фронт.

— Раз вешают наших делегатов — говорили они — так мы не пойдем под Москву!

Генерал сморщился, как старый мухомор, но ничего не сказал...

А события развертывались своим чередом.

Атаман ген. Филимонов вышел в отставку. 10-го ноября был выбран ген. Успенский; И. Л. Макаренко заменил Д. Е. Скобцовым, а Курганский поменялся с Сушковым.

Черноморцы сдали портфели, а линейцы принялись „сглаживать“ создавшийся конфликт с правительством Деникина.

Но, вслед за Екатеринодарской трагедией начался отход наших армий. Казаки бросали фронт и целыми сотнями уходили в станицы. На театре военных действий появилась конница Буденного и наши деморализованные части в панике бежали от красных кавалеристов.

„Гнойный нарыв“ лопнул и все те, кто потирали руки во время казни Кулабухова, с набитыми чемадами первые бросились в Новороссийск...

В. Куртин.

Десять лет тому назад.

(На юбилейные мотивы).

... Знаете ли Вы, откуда я приехал? спрашивает однажды атаман кавказского отдела, полковник Р., своего адъютанта, возвратившись из служебной поездки по Черноморскому Полковому Округу.

— Так точно, знаю: из...

— Никак нет! Не знаете, — смеясь перебил атаман. И, вскинув, по своему обычаю, очки на лоб, полусерьезно сообщил:

— Из Запорожья!.. Вот откуда!.. С этими чортовыми хохлами я и сам в самостийники перевернулся!

А был он большой служака — унтер-офицерского толка:

— Не рассуждать!

и:

— Понимаю!

С тем и отдел принял: выбить „самостийную дурь“. Не рассуждать!..

Да посильнее его оказалась станица. И из городничего — батькой атаманом сделала.

Часто об'езжал станицы атаман. И чем чаще об'езжал, чем дольше в них задерживался — менялся сам, другой характер принимало и его Управление. Из сатрапии с „военно-полевым судом“ и „политическим отделением“ в свой устроительный центр превращалось.

Страшен был отдел в первое время: по станицам „Князь Муралов“ с молодцами гулял, „крамолу“ на ста-

ничных сборах выводил. „Особые отряды“ розгами баб стегали. Добровольческие фуражиры станичными атаманами помыкали, как хотели, волокли из станиц все, что попадется под руку. В самой станице отдела „Дроздовцы“ каждый вечер пьяные карнавалы устраивали, каждого встречного-поперечного, поставив на колени, петь „Боже царя храни“ заставляли. Благородные корнеты на своих казаках, вестовых — верхом „за нуждою“ ездили...

У станичников вместо коней и быков синие квитанции остались. А солому, сено, полову — тащили все, кто хотел, и без „ордера“. У баб из скрынь „индивидуальные“ пакеты „реквизировали“.

„Политический отдел“ за „слово и дело“ в расход целые партии выводил. А в „Отделе“ гремело грозное: — Не рассуждать! на одну сторону, и подобострастное:

— Понимаю, — на другую.

А казаки — между молотом и наковальней обретались: с одной стороны большевики, сиречь — иногородние пришлые вкупе с иногородними домашними; с другой — гордые „спасители отечества“. Одним враги, другим — слуги. Чувствовали, что делается что-то не то, что нужно, не так, как нужно. Видели, что, сокровив с себя, при помощи добровольцев, красное ярмо, — впряглись в белый хомут. Спасение казачества было как будто-бы только с добровольцами и под добровольцами, — личная же безопасность для многих и многих казаков была в то время верна с большевиками. И что делать — решить было не так-то просто. Еще острее стоял этот мучительный вопрос и перед многими Кубанскими офицерами.

Конечно, большинство таких казаков и офицеров, стиснув зубы, вступило на московскую дорогу. Ибо отвращение к большевизму у них было все-же сильнее мучительного, обидного положения „взятых под подозрение“. Они выносили цук. Терпели унижительную процедуру „реабилитирующих судов“, выносивших свои постановления по „убеждениям“ членов. Действовали такие суды без церемонии. Но не как суды, а как „общества мщений“.

Сколько прекрасных казаков было расстреляно только за то, что они, когда „судьи“ сидели в Мечетке — были в своей станице комиссарами. Без внимания на то, что они, эти „коммисары“ и приготовили-то „кадетам“ триумфальное шествие по Кубани... Это они, в качестве комиссаров, принесли родному краю несравненно больше пользы, чем если-бы были простыми рядовыми в добровольческой армии. Не говоря уже о „вестовых“.

Сколько офицеров оказались „дисквалифицированными“ только потому, что они, как б. члены Рады или законодательных комиссий, подписали ту или иную, неудобную судящим зубрам резолюцию, или тот или иной протест. Невероятно, но факт, что среди кубанских политических „преступников“ были и такие, все преступление которых было лишь в том, что они, в свое время, были членами Землеустроительной Комиссии Законодательной Рады.

Сколько прекрасных молодых офицеров-кубанцев было „обезврежено“ только за то, что они были в „Войсках Одарюка“, когда из этих „Войск“ каждую ночь целыми партиями посылали казаки казаков „на пополнение“ — в Мечетку. И не одиночные случаи самоубийства офицеров в „победоносных штабах“, куда со спокойной совестью, как к своим, являлись они из казаче-большевицких отрядов, где на свой риск и страх работали против большевиков, в условиях несравненно более опасных, чем, напр., в добровольческих ротах.

В одном из пластунских батальонов был молодой офицер, почти мальчик, хорунжий К. Невзрачный на вид офицер. Но у этого „черномазого черноморца“ совершенно не было чувства страха. Не было у него ни смелости или храбрости в общепринятом смысле. Для него было все равно: что в тринку играть, что распороть кинжалом брюхо турецкому часовому; что пойти к молдаванкам на посиделки, что самому из неприятельского окопа языка выхватить. Охотно, даже весело отзывался он на зов сотника Одарюка „Защищать

свободу от черных генералов“. Принял сотню. Потом дали баталион. Командовать любил только „сознательными“ товарищами красноармейцами. И ненавидел их смертельно. Его баталион был действительно „баталион смерти“. Товарищи в нем не жили долго. Подвернулся случай — разбил „свой“ баталион. А сам — в штаб. К своим. Предстал пред начальство. Смеется: — так и так... „командир большевистского батальона...“ Не сомневался, что он, как с вой, вне „сомнений“, но сразу же почувствовал, что ему не простят его „командование“ большевиками...

Почернел еще сильнее, насутился, вышел в коридор и — застрелился...

Пришел с фронта К. полк. Одеты с иголки. Чига. Джигиты. На полк надеялись. Но полк замитинговал. В борьбе „кадет с большевиками“ объявил себя нейтральным. Был в том полку ст. урядник Сидоренко. Разбитой малый. Казак. Настроение и думки казачьи хорошо знал. Говорит офицерам: — пустите их: дурь товарищеская сама скоро пройдет. Разошелся полк по домам, а в станице К. кадр остался. Сам Сидоренко в этой станице, по совету офицеров, коммисаром стал. Честно служил родному Войску. Только об одном и мечтал, как бы скорее дать под известное место „товарищам“. И вместе с офицерами подходящий момент выжидал. Все „директивы“ по управлению станицей и гарнизоном от атамана отдела получал, к которому каждую ночь „с рапортом“ являлся. Многим офицерам головы спас. Сам атаман отдела только благодаря ему до добровольческой части добрался.

... Принял отдел „атаман-доброволец, участник 2-го похода на Кубань“. И первый акт его „политического отделения“ был:

— Разыскать комиссара Сидоренка.

Разыскали его: с сотней казаков на Кубанском мосту с большевиками бьется. Выхватили его из рядов офицеры-добровольцы. Отобрали бинокль, сняли шапку, кинжал. Сорвали погоны...

Ничего не понимает урядник.

— За что?

— Большевик!

— Я?.. Е... В... мать! Я — большевик?!

Да уж поздно: скрутили руки назад и в „отдел“ везут. Торжествуют. А там:

— Понимаем!

И расстреляли казака... А чем не казак был!

Сколько их, боясь участи Сидоренко, к большевикам перешли. А как дрались там против „белых“ — хорошо известно.

Казаки своей власти не имели: в станицах — атаман — не атаман, а посыльный каждого „добровольца“. Атаман отдела — не атаман, а мстящий казакам за свою временную деградацию генерал.

Страшное то было время: все дай, всех и вся слушай, и не смей ни писнуть. Бейся на всех фронтах за Великую, корми всех ратников и тыловых соратников, — бойся красных, прислуживай белым и замри перед атаманом отдела.

И это после того, как лежавшая „літ більш двісті під московським караулом“ Казачья Доля, вырвавшись на Волю, не только приобщила к власти широкие казачьи круги, но дала им и нечто большее: критику власти, сделала их первоисточником власти.

Внешняя война, развал армий, не так то уж прочно державшихся и до революции, показали казакам товар лицом. Что в солдате (т. е. в вооруженном крестьянине и рабочем) увидели и как его оценили, иллюстрирует характерный случай, имевший место на боевом участке Кубанской Пластунской бригады в 1915 году.

Однажды, перед зарей, пластуны сменили с позиции N-скую пехотную дивизию. При смене казаки обнаружили, что на некоторых местах, и то на значительных интервалах, — не было ни одного солдата, между тем, как на других ротных участках, как и обычно, на одного казака приходилось по 15—20 солдат. Утром на участке одного батальона появился солдат сменной дивизии, озабочено искавший что-то по окопам и за окопами перед проволочным ограждением. Казаки обступили солдата, спрашивают.

— Эй, земляче, що загубив? —

— Да што, — простодушно, искренне говорит солдат, — был вакант в плен сдаться — ротный послал за патронами... Таперича там (в тылу) роты нетуги. Прибег суда, авось прошмыгну к своим.

Долго казаки комментировали этот случай. Приобщили его к другим, аналогичным.

— Все они „вакант“ свой ждут, чтобы в плен сдаться... Хоть чорту! А мы — растянись за всю Россию!

И не ошиблись в своем прогнозе казаки: пришел вакант и многочисленная русская армия в спешном порядке сдалась в плен Ленину и Троцкому. А казаки „растянулись за всю Россию“. С той только разницей, что теперь их поставили не в интервалах между русскими солдатами, не „между Россией“, но против русских солдат, против России.

В том же, 15 году, наши казаки (и Донцы) уж говорили:

— Хоть поб'ем немца, хоть не поб'ем — с ними (русскими солдатами) воевать придется... Потому — у них никакой любви (национальной гордости) к самим себе нет. А на нас хуже, чем на немца смотря.

И в этом казаки оказались правы: легче легкого отказалось от России ее христолюбивое воинство и побратавшись с немцами, на казачество навалилось...

Чудное то было время. Даже бабы видели, что делается что-то не то. Или не так. Что „освобожденные“ городовики хотят освобождения так-же, как казаки коммуны.

В каждой станице — два враждебных „света“: казачий и российский. А над тем и другим светом власть, карающая одних и других, враждебная одним и другим.

И только крепкая казачья Доля, которую не могла извести ни московская тюрьма за время от „літ більш двісті“, выдержала и на этот раз положение между красной наковальной и черно-белым молотом. Пусть средства сопротивления одному и другому и не всегда были особенно удачны. Но ведь инстинкт казачьей массы в описываемое время не регулировался никем.

В той общей неразберихе, при анекдотическом многовластии, а в сущности безвластии, в наиболее хаотическом состоянии было: „устройство иногородних“. Установление их лица. Определение их места, права, обязанностей. Как они определились сами, казакам хорошо было известно. С такими станичниками и они жить „с радостью“ не могли. Нужно было поэтому определить их самим казакам. И вот тут-то и были настоящие „чудеса в решете“.

Приезжает атаман в станицу А. Вся площадь перед правлением завалена всевозможными вещами из обихода мужика земледельца, мужика портного, мужика сапожника: столы, бочки, швейные машины, бороны, верстаки, кадушки с капустой, ведра, посуда, шубы, повозки, кровати и т. д.

— Что это?

— Реквизованное российское имущество! — рапортует бравый вахмистр, помощник ст. атамана.

— Немедленно возвратит собственникам!

— Слушаю.

Ворочает глазами вахмистр. — Ничего не понимает. „Кому вернуть, когда все эти „собственники“ в красных?“ А приказано. И, по отезде атамана, разделяет все — казакам.

Мчаться тройка дальше. Юрт станицы Б. На встречу — безконечный обоз. На повозках всякая рухлядь домашняя, на рухляди бабы с детьми сидят. Около повозок мужики шагают.

— Стой! Что это за переселение?

Подскакал казак-подросток.

— До Донської гринці городовиків супроводжаєм!

— Назад!

Собрал атаман ст. сбор.

— Такие, сякие — что вы делаете?

Хмурятся чорноморці.

— Неприятеля выселяем...

В станице И. всех иногородних „в казаки перевели“. Остричь заставили. Приказали черкески приобрести. Вахмистр к строевым занятиям приступил...

И так, в каждой станице по своему „решали“ иногородний вопрос.

Жалобы в отдел со всех сторон сыпались тысячами. Жаловались казаки, жаловались иногородние, жаловались тавричане, жаловались добровольцы. Атаман гремел, рассылал по принадлежности — то в „отряд особого назначения“, то в „политическое отделение“, то во „Временный суд“, то просто — в тюрьму или — в зубы.

— Там „перекрутил“ что-то участковый или добровольцы и станица организовала „самооборону“ — Нужно послать „особый отряд“. Там „Князь Муралов“ арестованных „подозрительных личностей“ под самым хутором в капусту изрубил. Там какойнибудь ревностный председатель станичного Военно-Полевого Суда за „подозрение в сочувствии к большевикам“ вешает среди улицы, а явных активных большевиков присуживает к „отсидке при станичном празлении неделю — две“. Там начальник гарнизона из прапорщиков Добровольческой армии обязательную порку баб ввел...

На фронты почти каждый день пополнения посылаются. Все — молодец к молодцу — юркие 18—19 летние джигиты. И каждому такому „пополнению“ атаман гневно, коротко, по генеральски, кричит:

— Идите! Смойте с казачества позор!

И каждое „пополнение“ неизменно отвечало:

— Постараемся!

И „старались“. И гибли. Много-ли осталось на Кубани юношей?.. Но чей они позор своей молодой кровью смывали?..

Из полков все в большем и большем числе „перемешки“ являются.

— Ты что? спрашивает атаман какогонибудь Байду или Гайдамаку.

— Дозвольте, господин атаман, в свою часть...

— Да ты в какой?

— В N-ском добровольческом полку.

— Да ты что-ж, мать твою, разве-же это не все равно?.. И нарвит — в зубы. Пятится казак к дверям. Выскочит в коридор. Угрюмо крутит цыгарку и сам с собою разговаривает:

— До кадетів — не піду. До братів -- не пускають... Хіба-ж до большевиків?..

А в кабинете уже новых пять — шесть.

— Вы что, дезертиры!..

— Никак нет. В свою часть желаем...

— Вон, подлецы!.. шкурники!..

В огромном здании Управления отдела гул стоит, как в улье. Входят и выходят казаки. И почти каждой сам себя спрашивает:

— Та що-ж воно таке?..

Кричит, кричит атаман по Чельбасам или Бейсугу.

А казаки уже постарались. В какой станице ни остановиться — такой обед закатят, что и сам Лукулл позавидовал-бы...

Навалит станичники. Но не как в „отделе“, на вытяжку, а по свойски, по домашнему перед атаманом, толпятся. Всяк свое мнение и мышление свободно высказывает. Слушает атаман. Молчит. В гостях как-то неловко ругаться. Или там — в зубы ткнуть. Песенников любил послушать. А какой-же казачий обед без песенников обходится? Сколько есть на лицо, не стовариваясь, без регента, запоят стройнее смешанного хора:

... Гей, вийди доле

Із води

Визволь мене, козаченька,

Із біди!..

Смолкнут. Смотрят на атамана. А в углу, где около бандуриста в кружок уселись те, кому места за столом не хватило, зарокотали струны и прекрасный баритон Гарбуза уж отвечает:

— Не вийду, козаче...

Стоят насупившись Чорноморці. Хмуро слушают — чому не може вийти козача Доля. И гаркнут вдруг, что есть мочи:

— Гей ти, козаче!

Бери ніж!..

Хлопнет атаман кулаком по столу.

— Ко ни!.. В K-нскую! Тут все самостийники!..

А в К-нской такой-же ужин. С теми-же речами. С теми-же вопросами и с теми-же песнями...

Поместят атамана в общественной квартире, а под окнами бандуриста посадят. Ляжет атаман спать, да не заснет скоро, — долго слушает, как плачет где-то, вблизи бандура, как приговаривает:

... Було славне Запоріжжя...

И так из станицы в станицу. Куда ни приедет атаман — всюду одно и то-же!

Козацтво, та Воля, та Доля...

Увидел генерал, что „казачьи низы“ материал совсем не подходящий для диктаторских экспериментов и что если и дальше будет управлять ими с „пониманием“ и „не рассуждать“, то таких чудес натворят, что „Бери ніж“ — не будут только слова страшной казачьей

песни, а страшная действительность. И достанется тогда не только „москалика“, как поется в песне, но и своим „верхам“.

Переменился генерал. И из городничего батькой атаманом сделался. И ему стало жаль „Кубанского лимона“, выжимать который он так ревностно помагал. Да уж поздно было. Главное уже было выжато: вера в своих вождей. А с нею — и в успех...

И если мы здесь, а не на Дому — ей Богу же в этом меньше всего виноваты станицы! Разве не пели они, сіромахи, о себе в Сочи:

... Посідали, тай журяться:

Що мають робити:

Чи казнити правительство,

Чи ворогів бити?..

Думы и мысли казачьи.

Козаки про „Вільне Козцтво“

...Читаємо журнал „В. К.“ і всі козацькі голови повернулись туди, де загорівся огонь козацького гуртування. Ми поспішаємо й собі приєднатись до гурту, щоб угворити сильне козацьке військо, від якого б такі пахло порохом... а тим чаєм дождати кінця кривавих мук нашої неньки Кубані, що плаває в крові своїх же синів.

Зібрались ми і думку гадаєм. Пора до зброї. Пора братів визволяти... Нам, козакам, не будь же наймитами, не вийшли ж ми за кордон багацтво наживати, а козацьку славу під ноги топтати. Не подоба козакові як тій собаці, під чужим тином помирати, або тягати торбу по чужим оселям...

Коли ми вільні козаки, то нам і дорога до Вільного Краю. Козаки! Сини Запоріжжя! Невже ж ми загубили дух козацький і не тече вже в нас кров на-

ших предків: Дорошенка, Сагайдашного... Ні! Вона у нас ще єсть і буде, і б'ється козацьке серце, і та кров закипить ще більше тоді, коли ми знайдемо собі людей, вірних козацтву. І це вже виявляється у „В. К.“! Думаємо, що появиться між нами і Тарас Бульба, який, поведе козацтво боронити рідний Край...

Оце, брати козаки, наш погляд і наші думки... Так — „від голови чорнявої та аж до сідої“ — всі під козацький прапор!.. Бо закував москаль ципами залізниці козацьку волю — треба рвати їх!

Привіт і низький поклін всьому війську козацькому. А вам, пани-брати, хто надумав це діло, яке треба б було давно вже розпочинати, щиро дякуємо. Дай, Боже, вам найкращих успіхів у цьому великому ділі... З усією силою будемо помагати...

Група Кубанців.

25-X-28. Българія. Кричим.

Международная жизнь.

Фантазия и действительность.

В последнее время на газетных столбцах, как из рога изобилия, сыплются разного рода слухи, известия и разоблачения, говорящие о „планах“ великих и не великих государств относительно будущего тех Земель и Народов, которые находятся ныне под пятою московской компартии. Все эти „разоблачения“ в конце концов сводятся к такому приблизительно рисунку.

Англия, Италия и Франция хотят, мол, уничтожить СССР. Не имея с Москвою общих границ, они стремятся организовать, — и даже уже организовали! — военный блок соседних с СССР государств, целью которого является военная интервенция против большевиков, изгнание их из Москвы и расчленение советского государства. Расчленение это должно быть произведено таким образом, что север бывшей Российской империи останется за Москвою, а весь юг будет от нея оторван, образовавши самостоятельные государства. Украина, Дон, Кубань, Терек, Кавказ и Туркестан станут независимыми республиками, между собою союзными, отрезавши Москву от Черного моря и от всякой возможности в будущем проявить какую либо экспансию в направлении Балкан, Константинополя или же английской Индии. О Сибири умалчивается, а в виде росписи к этой схеме, обыкновенно, прибавляется, что Украина попадет, таким образом, в „кабалу“ к Франции и Польше, Кавказ „захватят“ Англия с Италией, Туркестан войдет в „сферу влияния“ Британской империи. О казаках, за неминим лишних „кабальщиков“, забывают, и можно предполагать, что они, единственные из всей названной цепи республик, останутся без соответственной „протекции“.

Помещаются эти „разоблачения“, главным образом, в больших берлинских газетах, обозначаются, как корреспонденции из Будапешта, Варшавы, Риги и пр. Идут они обыкновенно „из самого достоверного источника“, но никто в этот „источник“ не верит, а все хорошо знают, что сочиняются они в канцеляриях московских дипломатов. Европейская пресса поэтому не придает этим известиям особого значения; она их регистрирует и, так сказать, „подшивает к делу“. Иное дело пресса российская — коммунистическая и эмигрантская. Она верит в этих разоблачениях каждому слову, шумно комментирует каждую деталь, предаваясь отчаянию и распространяя среди своих читателей настоящую панику.

В чем дело? Как объяснить это явление? Ведь всем, кто хоть сколько нибудь следит за политическими отношениями в Европе, хорошо известно, что европейские государства как раз сейчас меньше, чем когда либо, думают о войне; что все их мысли направлены в прямо противоположную сторону, — в сторону обезоружения, консолидации и умиротворения старого европейского континента. Известно также и то, что большевики больше, чем чорт ладана, боятся каких либо военных столкновений; боятся, ибо знают, что всякая война будет для них концом и гибелью.

Никакого анти-советского блока в Европе не существует и никто не проповедует сегодня крестового похода против СССР — ни английский король, ни Пуанкаре, ни Муссолини, ни маршал Пильсудский. А между тем тревога несомненно существует, и более того, — совершенно реально существует и основания для этой тревоги. Причины ее заключаются не в том, что есть, а в том, что будет, — будет сегодня или завтра, не будет неминуемо. И большевики сами, и российские эмигран-

ранты, и все в Европе явственно чувствуют приближение конца СССР и исчезновение советской власти с политической международной арены. Чувствуют и готовятся к этому.

Готовятся к неизбежному концу прежде всего московские владыки, в продолжении уже многих лет увеличивая и вооружая свою армию. Накануне гибели они решили „хлопнуть дверью“ так, чтобы эхо пронеслось по всему свету. Автором этого „хлопанья“ был, как известно, опальный ныне Троцкий.

После „ухода“ Трояцкого, „план“ изменился. Появились надежды на Китай, а вместе с ними и предполагаемая возможность „исхода“ коммунистической власти из Москвы в Нанкин, в случае неудачи в Европе. Теперь исчезли и эти надежды, а гибель приближается. На войну рассчитывать трудно. Опыты с мобилизациями и последними маневрами на Украине показали вочью, что мобилизованная армия опасна не столько для неприятеля, сколько для своего собственного „начальства“. Чем и как собирается хлопнуть сменивший Троцкого Сталин, сказать трудно.

Зная о таком настроении среди большевиков, готовится к их близкому концу и Европа. Со стороны соседних с СССР государств было бы политическим безумием, если бы они, зная внутреннее состояние Советской империи, не подготовились ко всякого рода опасным случайностям, могущим возникнуть для них в результате коммунистического крушения. Ведь в Москве может повториться клич 1920 года: — У нас нет ни хлеба, ни товаров, — пойдем их искать в Европе. — Соседи СССР знают это, готовятся изнутри, ищут союзных сил и в Европе и в границах СССР. Во-вне — это почти все европейские государства, внутри — Украина, Кавказ, Кавказ, Туркестан, ибо всем им нужна гибель советского царства. Никакого блока между ними сегодня нет, но все предпосылки его на лицо, и в нужный момент он действительно может без всяких предварительных переговоров организоваться: его создают объективные условия, порождают общие интересы.

Неготовую остается лишь российская эмиграция. Вернее, ей надо перестроить всю свою несовершенно подготовленную, а она не в силах этого сделать. До сих пор российская эмиграция довольно беззаботно смотрела в будущее. Всем им, — начиная с „Вождей“ и их окружений, и оканчивая Милюковым, Керенским и вождями российского меншевиства Даном и Абрамовичем, — казалось, что дело обстоит очень просто.

Наступит время и падут большевики. В результате войны, или от внутренней вспышки, — это не важно. Важно то, что они, эмигранты возвратятся, и все пойдет так, как и было. Каждая из эмигрантских групп думала, что именно она станет во главе государства, но на тот случай, если-бы „не повезло“, готовилась и к „оппозиции“, — благо, известная практика и того и другого в прошлом была у каждой из этих групп. Что-же касается каких-то там „самостийников“, то это и „Вождем“ и прочим казалось сущими пустяками. Во первых: их — „не было, нет и не будет“, а если они есть, то это „безпочвенная интеллигенция“, которая сама жить не может и вернется со временем в московское лоно. А во вторых: — если не вернется, то можно и „брюхом налесть“, как выразился публично один из них, с.-р., Лебедев, окончательно одряхлевший, а потому невежливо высказавший то, о чем все другие более или менее вежливо умалчивали. Сил, мол, у этих „саностийников“ никаких, а Европа им не поможет, потому что весь свет ждет не дожидаясь того времени, когда на востоке Европы снова возродится во всей красе и силе „единая, неделимая“ Россия.

Десять лет прожила российская эмиграция в таком беззаботном ожидании, а на одиннадцатый год увидела, что действительность и там, в СССР, и здесь, в Европе, совсем не такова, какою она себе ее представляла. Большевики гибнут, это правда, но на родине ее не ждут и знать не желают. — Мы боимся вас больше наших коммунистических врагов, — пишут из Москвы друзья Милюкова („Последняя Новости“, „Трагедия России“, № 2782 от 3. XI. 1928). Там создалась какая-то новая жизнь, и российская эмиграция для этой жизни — чуждое тело, ненужное, нежеланное и... даже вредное. Рухнула надежда не только на водительство, но даже и на „оппозиционную“ деятельность. Точно также рушатся все надежды и на восстановление „единой неделимой“.

„Самостийники“ оказались не мифом, а самую реальную силу, наличность которой признали и большевики, и вся Европа. За десять лет жертвенной борьбы и сознательной жизни идеи суверенной независимости зажгли сердца широких народных масс Украины, Кавказа, Казачьих Земель, Туркестана, и безнадежной является сейчас уже самая мысль бороться с этим „пожаром“. В СССР это знают все, среди российской эмиграции только слепые не могут этого усвоить. Европа об этом хорошо осведомлена и принимает это, как факт, к политическому учету.

Казачья эмиграция.

Хор Донских казаков „Платов“ в Румынии.

15 с. октября хор Донских казаков „Платов“, закончив свое славное турне по Румынии, выехал в Прагу, рассчитывая 21.-Х. уже иметь концерт в Париже.

Знаменитый, прославленный по всей, заграниче родной хор своим лучезарным появлением в Румынии подбодрил уставшие сердца казаков-изгнанников, подвеселил их в их тяжелом молчании, убедил их, истерзанных на горькой чужине, что не все же печаль и горе, горе и печаль, а что есть на белом свете и радость, что не все еще потеряно, что еще придет время, когда мы, обездоленные, соберемся до купы там, в своих родных краях...

Старые казаки, видя перед собой олицетворение Казачества, всплакнули по „родным полям и лугам“, а малые, совершенно не знающие Казачего Дома еще и теперь засыпают родителей своими любопытными вопросами о существующем где-то действительном Доме, где ходят в сапогах, в брюках с лампасами и белых рубашках...

Благодаря тому, что хору пришлось показать себя во многих городах Румынии (досадно, что по Бессарабии турне хора не было разрешено), на долю многих казаков выпало сладко прожить хотя несколько часов,

когда они смотрели, как перед их глазами проходила казачья жизнь со всем ее широким простором и безпредельной удалью.

Приносим чистосердечную благодарность энергичному и талантливому дирижеру и его славным сотоварищам, милым станичникам, работающим на укрепление Сильного, Славного Казачества.

20.-Х. 1928. Румыния.

В. Петров.

В Братиславском хуторе.

II.

... Мною уже однажды был отмечен кризис, наступивший в хуторе после „выявления лица перед русской общественностью, в связи с самостоятельным движением среди казачества“. (См. „В. К.“, № 15).

Хутор, как известно, остался без Правления и попытки писаря и Рев. Ком. (принявшей дела от б. Правления) созвать сбор для выборов нового Правления до летних каникул не имели успеха — вольно или не вольно, но кворум отсутствовал...

И только теперь, после каникул, Рев. Ком. удалось, наконец, созвать сбор на 30 октября с. г. (4-й по сче-

ту после кризиса), где и было избранно Правление, к большому удовлетворению собравшихся... Таким обр., кризис миновал и жизнь хутора вошла снова в колею...

Кстати, несколько слов о порядковом числе сбора... В прошлой же информации мною было указано на то, что сбор созывался 2 раза (и без результатно) Рев. Ком.

В журнале же „П. К.“ за № 35, появилось письмо Рев. Ком. Братис. хутора, опровергающее, между прочим, и вышесказанное заявление в том смысле, что: ... „Рев. Ком. созывала один (а не два...) чрезв. соб... (см. п. 7).

Должен заметить Рев. Ком., что мною имелось в виду: не кем созываются сборы, а число сборов...

Исправляю (если Рев. Ком. это угодно) „неточность“ и попрежнему подчеркиваю — сборов было два: один 25. VII. 28 по приглашению писаря хутора хутора и другой 2. VIII. 28 по приглашению Рев. Ком. („Не вмер Данило — болячка задавила!“)...

Г. Б.

Казачий клуб „Кубанский Сокол“ в Париже.

В 1926 г. во Франции организовался аполитический и спортивный Казачий Клуб „Кубанский Сокол“, который организовал смешанный мужской и женский хор. Было устроено несколько концертов и семейных вечеров (чашка чая). Сейчас Дирекция желает пополнить хор своими кубанцами и казачками с хорошими голосами.

Лица, какие желали бы поступить в хор, собирающийся в турне, имеют подать заявление с указанием голоса, знания нот и пр. по адресу: Club de Cosaques „le Faucon du Kouban“ 4 Av. st Foy Neuilly s/s France.

Помимо этого, клуб производит запись желающих ехать на земли в Америку и на работы. Спешно требуется 60 чел. Визы и проезд на пароходе обеспечены.

Дирекция.

В Казачьих Землях.

„Достижение“ Калмыцкой Автономной Области в области родного языка и письма.

(Окончание).

Конечно, газете нельзя обойтись без применения таких международных слов, как: республика, журнал, коммунизм, социализм и т. п. Но, это смешение в данной газете чрезвычайно усиливается тем обстоятельством, что в ней сплошь и рядом передаются русскими словами такие понятия и названия, какие имеются и в самом калмыцком языке.

Например, пишут: „Сеглятр“, что значит секретарь. Спрашивается, какая была надобность коверкать русское слово, кагда есть свое калмыцкое красивое, звучное слово „батлакчи“.

Или пишут „йашиг“, что означает ящик, тогда как есть общезвестное свое слово „хярцик“. Возьмем, как пример, и при том не из всего текста, а только из начальных предложений статей и заметок, некоторые образцы. Начнем из подзаголовка газеты, который гласит: „Хальмагин Обкомин ВКП(б) Облесполкомин болн Облпрофсоветин гязад (орган)“, Что сие значит?

Дальше.

„ВЦИК Северо-Кавказск Крайин Исполкомде Советин“...

„Шидр гарсн Нижнь-Волжск Областин Область“...

„Хальмк базрин ээрэ баяхе евряннь выпасной участок“...

„Хальмг Танггчде кэвнггин 4 опорный пункт бюрдягдж бяня“...

„Шенеманиг Уголовный Кодексин 116-ч статьян 2-ч частярън гемнж“...

Подобными „художествами“ изобилует вся газета.

Могут подумать, что я нарочно подобрал из многих номеров газеты случайные упущения. Ничего подобного. Все эти примеры я взял не из многих номеров, а только из одного (№ 39, от 21 июня 1928 г.), и, как сказал выше, не из всего текста, а только из начальных предложений статей и заметок.

Или вот некоторые заглавия статей: „Советский строительстве болн революционный законность хойрин тусте, — „Г. коммунальный хозяйствин тусте“ и т. п. („Т. З.“ № 31 (65).

В первом заглавии четыре русских исковерканных слов, но окончания их не русские и не калмыцкие, а действительно новые, вероятно, выдуманные издателями газеты для того чтобы сделать свое писание малопонятным и для русских и для калмыков.

Этих приведенных примеров ни один калмык (конечно, за исключением самх издателей) без помощи рус-

ского человека или русского языка не поймет.

Таково „усовершенствованное“ письмо, „обновленный“ язык „калмыцкой“ газеты „Танггчин Зянге“.

Невольно спрашиваешь себя: неужели подобные деятели, как руководители этой газеты, доказывали „несовершенство“ старого прекрасного калмыцкого алфавита и добивались заменить его своим „лучшим“?

Неужели эти люди настолько безграмотны и неспособны, что не могли изобрести ничего лучше, понятнее калмыкам, чем их „новое“ письмо?

Если даже, возгорев ненавистью к своему родному зая-пандитовскому письму, совершенно перестав дорожить делом развития своего родного языка и, воспылав пламенной любовью к ленинскому учению, поставить себе определенную специальную задачу какой угодно ценой, каким угодно путем вбить в голову калмыцкой народной массы коммунистическую идею, — ведь и при этих условиях „новое“ письмо не достигает своей цели просто потому, что оно мало понятно для этой массы.

Эту специальную коммунистическую задачу с бльшим шансом на успех можно было бы выполнять и не мудрствуя лукаво: изображением калмыцких слов простым русским письмом, что было бы для массы гораздо понятнее, чем это „новое“ письмо.

Теперь обратимся к тому, о чем пишет газета. Может быть содержание ее имеет более калмыцкого, чем ее письмо и язык? Нет, наши ожидания напрасны. Как и подобает „всемирным просветителям“, там говорится исключительно о мировых явлениях, событиях, а о калмыцкой жизни почти ничего, если не считать несколько доносов пресловутых „сельхов“.

Вся первая страница (а газета имеет всего 4 стр.) почти целиком посвящена китайской междуусобице, тому, как отступили из Пекина войска „Фун-Юун-Сяня“, как китайские коммунисты бьют проклятых буржуев; как в Японии коммунистическая партия растет изо дня в день на страх врагам пролетариата; как в Австрии лучший из мужей, Бела-Кун, безвинно страдает во власти алчных буржуев; как в Индии постепенно узнают великие достижения Октября и как индийский народ все больше и больше проникается симпатией к СССР, в какой восторг пришли индусы по поводу завоевания в СССР женщинами равноправия и т. д.

Вторая страница целиком посвящена трем „великим“ событиям:

1. Как в Чехословакии коммунистический депутат избличает буржуазное свое правительство, как коммунисты ЧСР готовятся к „красному дню“ 5—6 июля и как правительство готовится к расстрелу рабочих;

2. Пространное (целый „подвал“ газеты) сообщение о процессе донбасских шахтеров, о том, как подлыс

спецы контр-революционеры готовили передать шахты старым владельцам и т. д. и

3. Призыв быть готовыми к защите СССР, для чего рекомендуется усиленно поступать в красные школы (военные) („СССР-ин харлст чанггахмин“ — между прочим, по-калмыцки так не говорят).

Третья страница газеты — доклад Микояна в Москве и доносы-призывы „селькоров“ о том, где кто выпил лишнее, кто где разбогател, а потому как нужно этого „богача“ усмирить, уничтожить (какой страх, как бы калмык не разбогател!)

И, наконец, четвертая страница — рассказ самого редактора газеры Манжин Н., долженствующий изобличить „гнусные поведения“ гелюна-эмчи (лекаря), рассказ самый похабный, полный самых грязных подробностей половых сношений.

А затем несколько объявлений.

При чем, при первом беглом обзоре выступают два основных положения газеты, чем объясняются все мировые несчастья. Это — „наследие царского режима“ и „наследие проклятого нашего духовенства“, служители которого, якобы были сплошь рядом шарлатаны. При этом газета не останавливается перед очевидной ложью, видимо, исходя из убеждения: если калмыки и узнают, никому не скажут, а русские — просто не поймут, благо, что сделано все, чтобы их писание мало кому было понятно.

Расчет совершенно верный, ибо можно держать какое угодно пари, что газету читает очень ограниченное число людей (трудно, а след., скучно), а еще меньше понимают.

Например, увез (умыкал) кто-то себе невесту, газета кричит: „проклятое наследие царского режима!“ Как будто газета не знает, что обычай умыкания девушек водится у калмыков с незапамятных времен. Или кто-нибудь из калмыков проявил в чем нибудь свое несогласие и несочувствие к коммунизму, газета кричит — „наследие проклятого воспитания духовенства“ и т. д.

Я умышленно подробно перечислил все содержимое газеты.

Есть ли тут что-нибудь калмыцкое?

Одновременно с газетой „Танггчин Зянге“ выходит газета „Красная Степь“ на русском языке. Содержание, конечно, тождественное.

О других „красотах“ и „достижениях“ водителей-коммунистов Калмыцкой Автономной Области вернемся в другой раз, в другом месте.

Шамба Балинов.

P. S. Опечатка: В первой части этого очерка (см. предыдущий номер „В. К.“, во втором столбце, 15 стр. сверху, следует читать: „обилие в словах согласных букв“.

Новый грабёж донских земель.

Все уже б-ки испробовали, чтобы обеспечить „бесперебойное“ поступление земных благ в советские кладовые. Но ни что им не помогает: ни сохранение помещечьих имений, где помещик сменен комиссаром-хозяйственником, ни коллективизация крестьянского хозяйства, все тщетно — продуктивность сельского хозяйства непрерывно понижается. И на сцену появляется новый трюк: американизация производства зерновых продуктов.

Этим вопросом занималась на последнем своем съезде (в июне с. г.) ВКП(б). Решение б-ков об этом можно схематически передать так: нельзя в вопросах кормления московско-коммунистической рати полагаться на крестьянина и казака с их карликовыми хозяйствами: они малосильны да и не хотят работать на коммунистов. Обезпечим себя зерном и хлебом созданием государственных совхозов-гигантов, созданием зерновых фабрик, выбрасывающих ежегодно миллионы пудов товарного хлеба. Сделаем помещиками-плантаторами!

Стали искать подходящие свободные земли для совхозов-гигантов. И, как всегда, когда Москва ищет выхода из экономических затруднений, и на этот раз на-

ходит „свободные“ земли у казаков. Там, где велась наихвосточайшая борьба за каждый клочек земли, где каждая нива орошена кровью ея пахарей, там теперь оказываются „свободные пространства“, куда направили свои ненасытные взоры современные плантаторы.

Одной из первых жертв московско-большевицкого, государственно организованного, грабежа „свободных казачьих земель“ оказался Сальский округ. Сюда летом этого года, в салон-вагонах приехала „комиссия из представителей Москвы, краевого и окружного исполкомов и земельных управлений... чтобы наметить границы организуемого здесь совхоза-гиганта.“*)

Штаб по организации совхоза расположен в 18 верстах к западу от станции Целина, в совхозе № 5 Севкавсельтреста, бывш. экономии Султан-Гирея. В совхозе № 5 40.000 гектаров земли — 35 верст от края до края. „Но и это пространство — захлебывается от восторга корреспондент „Правды“ — только ничтожная часть будущего нового совхоза, в новом совхозе будет 100.000, а может быть, 200.000 гектаров земли“ и таким образом здесь „площадь распаханой земли будет доведена до невиданных в союзе размеров“**).

Далее большевицкий официоз, „Правда“, повествует о том, как работала московская комиссия, что наметила и что решила.

„Для два об'езжала степи комиссия. Ночью — заседания в Сальске. Горячие обсуждения, споры, соглашения... Ориентировочно решено:

Совхоз-гигант составляется из земель: совхоза № 5 (40.000 гект.), племхоза акц. о-ва „Овцевод“ (24.000 гект.) и земель коневодческого фонда (36.000 гект.).

Весь массив земель нового совхоза вытягивается длиной, в 40 километров, полосой вдоль железной дороги от Целины до самого г. Сальска, с расчетом, чтобы ширина его не превышала 25 километров.

Весь совхоз разбивается на ряд отдельных экономий-хуторов, представляющих собою хозяйственные единицы примерно по 35.000 гект. в каждой. Хутора-экономию, в свою очередь, разбиваются на более мелкие группы, по 3-5 тыс. гектаров.

Во главе каждой группы будет поставлен заведующий агроном-хозяйственник. Всем хозяйством будет руководить управляющий совхозом с двумя помощниками; всего штата будет около 25 агрономов и инженеров, при 600 рабочих (при уборке урожая до 1.000 рабочих).

К каждой экономии прикрепляется колонна из 40 тракторов при 80 трактористах.

Сдача зерна — немедленная по снятии урожая; доставка к ст. Целина — караванами тракторов; погрузка — элеваторами прямо в вагоны.

Набор рабочей силы — через профсоюзы. Для служащих и мастеров будет отстроено 40 квартир; для трактористов заказано 50 двенадцати-квартирных домиков.

Здесь же, в степи, будет построена центральная мастерская (заказана в Америке) и гараж на 200-300 тракторов. Летом мастерская будет разбита на ряд подвижных полевых мастерских.

Радиус землепользования не должен превышать 35 верст. Производительность совхоза — около 4 мил. пуд. зерна, если считать по 50 пуд. с десятины в среднем. Стоимость десятины с 70 руб. должна быть снижена до 50 руб.“

Из вышеприведенных расчетов уже видно, что это за предприятие, чем оно кончится. Поэтому мы не боимся того, что б-ки этой затеей облегчат свою участь. Все это только планы. А мы уже хорошо знаем, какова бывает всегда увязка большевицких планов с действительностью. Если Крупн прогорел в сальских степях, то о б-ках и говорить нечего. Кончится все это предприятие очередной панамой, размеры которой будут прямо пропорциональны размерам совхоза-гиганта. Воровство растраты, бесхозяйственность, потом по-

*) „Правда“ № 3978.

***) Ibid.

казные суды, шум в газетах, таковы дальнейшие моменты в жизни совхоза.

Но, надо признаться, ни населению сальского округа, ни всему Дону от провала совхоза легче не будет. Ибо: удастся или не удастся большевицкая затея, все равно у населения отняты тысячи и тысячи десятин необходимой земли; население отстранено не только от владения и пользования этой землей, но и лишено возможности, по характеру предприятия, быть занятым на отнятых земельных пространствах, как рабочая сила. Это — государственная плантация почти с постоянным штатом рабочих, нанятых через профессиональные союзы: не организованным в союзах доступа туда нет. Когда европейцы покоряли Америку, Азию, то они в предприятиях своих на покореженных землях позволяли работать населению, у которого они землю отняли. Москва и этого не позволяет.

И поэтому вся эта комедия с организацией совхозов, где еще ничего, собственно, не сделано, а только: „намечено“, „предположено“, „в Америке заказано“, „будет построено“ и т. д., и т. д., есть ничто иное, как замаскированный, организованный в государственном масштабе грабеж казачьих земель, грабеж, какой не раз уже имел место в истории московской государственной практики. Боязнь, что два лагеря населения казачьих земель — казаки и иногородние — изживут и залечат свою рознь и вражду проведением уравнивательного землеустройства, эта боязнь заставляет коварного врага торопиться захватить в свои руки распоряжение свободными землями. И выходит: на сене лежит, сама не ест и другому не дает.

Мы верим, что не далек тот час, когда ослабнут кровавые руки московских палачей и мы вырвем из этих рук и свою свободу и свое достоинство. А потому — организуйте г. г. большевики в наших землях совхозы, ввозите туда машины, стройте квартиры! Когда будете выгнаны из наших земель, то мы будем иметь хоть какую-нибудь компенсацию за то, что от нас вывели вы.

О. Лекса.

Кубанский с'езд по поднятию урожайности.

В начале сентября этого года в Краснодаре состоялся с'езд по улучшению урожайности. С'езд этот, как теперь с полной очевидностью выясилось, не имел того задания, какое б-ки огласили. Была это замаскированная форма нового нападения коммунистической рати на достойные хлебороба. Пользы от этого с'езда не получили ни б-ки, ни, тем более, хлеборобы. Все свелось т.-сказать к обмену взглядов по „актуальному вопросу“.

В ином месте мы останавливаемся на том, что требовали на с'езде московские приказчики от делегатов с'езда и что им предлагали. Здесь помещаем, по большевицким официальным отчетам, содержание речей некоторых ораторов — делегатов с'езда. Их речи говорят нам больше, чем целые тома советских докладов, из них мы видим, что происходит на Кубани. Характерно, что о тяжести налога почти ничего нет в речах депутатов. Это, как нам удалось выяснить, заслуга большевицкого цензора. Но что налог был предметом острых нападок, видно хотя бы из того, что упоминания о налоге б-ками высмеивались, как танец от печки.

Прачко (Абинский район). — Председателем Окрисполкома были указаны общие пути к поднятию зерновых культур. Нам надо будет поговорить об этом подробнее и не только о зерновых культурах. На кубанских гористых почвах пшеница будет явно убыточна: там нужны виноградники, сады, скотоводство. Такие культуры потребуют затрат. Эти затраты будут оправданы, но содействие со стороны нужно.

Чайка (Новопокровск. район). — Я буду говорить о колхозах. Многие колхозы закредитовались, стали дефицитными и еле живут. Кредиты отпускались без составления точных смет. Агрономы приезжают, заглядывают в канцелярию и спешно едут дальше. Технические культуры не дают результатов из-за отсутствия агрономического наблюдения и совета.

Из-за этого всего колхозы не имеют авторитета среди населения.

Ветченко (Тимош. район). — Колхозы в юрте ст. Днепровской плохо обслуживаются агрономами. В течение двух лет в нашей станице не видели агронома; не видим и сейчас, в разгар осенней кампании. План работ в колхозах откладывается с месяца на месяц, начиная с июня, а колхозы работают без плана, вслепую.

В нашей станице налицо все условия для разведения чистосортного семенного материала. Однако, вот, подсолнух-маслянка прибыл поздно и пришлось его сеять не во-время.

Дерибаба (Ново-Покровск. район). — Наш район несколько лет не выходит из полосы неурожая. Обработка часто еще старинная, тягловой силы мало; инвентарь стар. До сего времени мы пользуемся орудиями и повозками, которым не менее 12-15 лет. Агрономы — редкие гости, особенно в таких станицах, как Новолюкинская, а надо бы им пожить у нас подольше, чтобы изучить наши засухи.

В колхозы идут люди неумелые, неграмотные и неразвитые, а станичные партийцы идут в колхозы очень неохотно.

Контракция по 8 руб. 25 коп. нам не помогает. Лучше бы выдавать семенами. И еще нам очень надо переходить на скотоводческий уклон.

Отдельные большие семьи, чтобы их не считали за кулаков, разделились и составили несколько слабосильных хозяйств.

Бондаренко (Темр. район) — Контракция в 8 руб. для середняка и в 5 руб. для зажиточного не удовлетворяет население. Лучше бы эти 5 руб. прибавить тем, кто беднее. А еще лучше — выдать семена.

Карабах (Северс. район). — Что нужно делать, чтобы заинтересовать хлебороба в улучшении хозяйства? — Нужно твердо сказать в станице, что тот не кулак, кто сам, своим трудом, руками своей семьи, хорошо обрабатывает землю. А то некоторые сомневаются, можно ли улучшить свое хозяйство, можно ли улучшить свое хозяйство, что бы его не приняли за кулака.

Хлебороб Федоров Ф. А. (Тихорец. района). — Чего мы ждем от с'езда? В первую голову, что бы улучшилось положение с посевным материалом. Скажу за наш хутор: у нас не хватает посевного зерна. По контракции нам дали 500 руб. Этого мало. Бедняк и середняк за это болеют, потому что хотят и свое положение улучшить и государству помочь.

Есть у нас бедняцкий коллектив, организовавшийся 1-го марта. Жалуется он на нехватку средств. Надо бы расширить помощь таким коллективам.

За агропомощь тоже скажу, что ее нужно улучшить. Вот у нас был посев улучшенного подсолнуха, а агроном только один раз был и доси нема.

Хлебороб Н. С. Нененко (ст. Роговская). — Кроме зерновых хлебов, я считаю полезным сеять какурузу, которая идет на корм свиньям и лошадям.

Вообще у нас уже никто не сеет под букарь или наволоком. Многие в том числе и я, кое-что читаем по вопросам хозяйства.

Контракция у нас дело совсем новое. Только в прошлое воскресенье начали про нее объяснять и далеко не все знают, в чем дело.

Хлебороб Н. М. Паливода (ст. Старонижестеблиевская). — Я лично больше всего интересуюсь садоводством и виноградарством, потому могу наиболее уверенно говорить об этих отраслях хозяйства.

Плохо только то, что садоводам нет кредита, и потому садоводство у нас не так развито, как могло бы быть.

Хлебороб Т. Лысенко (ст. Ново-Суворовская). — По моему урожайность в нашем юрте не повысилась. Причина — недостаток рабочего скота, инвентаря. Агрономов у нас слушают охотно и следуют их советам.

Агроном Косин — Вся сущность дела сейчас в вопросах землеустройства и в устранении чрезполосицы, мешающей всякому хозяйственному начинанию.

Надо сказать, что колхозы пока себя не оправдали. Они не имеют надлежащей тягловой силы и инвентаря. Надо проводить в жизнь постановления об инвентаризации колхозов.

(Продолжение следует).

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.